

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Царство
Черной
обезьяны

Анна Ольховская
Царство черной обезьяны
Серия «Папарацци
идет по следу», книга 8

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=288542
Царство черной обезьяны: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40671-5

Аннотация

Все, чего хотят Анна Лощинина и Алексей Майоров, – это забыть о днях, проведенных в плену у черного мага Дюбуа во Франции. Казалось бы, жизнь налаживается, колдун уничтожен, и счастливой семье остается лишь справиться с последствиями стресса. Но внезапно Анна узнает, что злобный монстр все еще жив. Более того, его гнусные помыслы направлены на их дочь. Ника – не простая девочка, не зря ее способности по достоинству оценил знаменитый маг. И бедным родителям не раз придется столкнуться с проблемами, главная из которых – выбор. Жить без Ники или умереть за нее. Анна и Алексей готовы на любые жертвы!..

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9	70
Глава 10	79
Глава 11	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Анна Ольховская

Царство черной обезьяны

Часть первая

Глава 1

– Тоже мне принцесса выискалась! Гордая, как та лягушка с фирменной стрелой «Мейд ин Иван-царевич» в заднице!

– Баба Катя, так нельзя говорить, некрасиво.

– Ох, прости, Никочка, я не хотела. Но ведь на эту... гм, безобразницу, смотреть противно!

– Не противно, а смешно, тетя просто глупая очень.

– Глупая не глупая, а деньжищ загребает...

Так, ясно, Ника с Катериной опять вместе телевизор смотрят. Дочура моя, как всегда, проснулась раньше мамы с папой, но врываться в нашу спальню с индейскими воплями, как это бывало не так давно, не стала. Она ведь взрослая девочка уже, ей пару месяцев назад три года исполнилось, а в таком солидном возрасте и вести себя надо соответственно. Вот Ника и прокралась на кухню, во владения нашей домоправительницы Катерины, где с утра до вечера бухтит телевизор.

Вот и хорошо, ребенок занят, а значит, можно еще понежиться под теплым боком мужа. Тем более что он, бок, в последнее время очень редко бывает в полном моем распоряжении. Впрочем, как и в первое время, и в середине, и на протяжении всей нашей не такой уж долгой семейной жизни.

Между прочим, не мешало бы подсчитать, сколько всего дней мы с Лешкой провели вместе за пять лет. Три месяца? Пять? Полгода? Нет, полгода точно не получится, нам не дают побыть вдвоем обстоятельства. Обстоят между нами плотным частоколом, сквозь который так трудно прорваться друг к другу.

Конечно, главный кол в этом обстоятельном препятствии – Лешкина профессия, но если бы только она! Порой мне кажется, что против нас целый мир. Кому или чему мешает наша любовь – не знаю. Но с тех пор, как мы встретились, на нас один за другим валятся все мыслимые и немыслимые кошмары.

А ведь до встречи с Лешкой моя жизнь была серой, зато тихой, предсказуемой и спокойной. Работала в одном из областных центров средней полосы России журналистка на вольных хлебах Анна Лоцинина (это я), имела в анамнезе неудачный брак без детей, однокомнатную квартиру и более-менее стабильный заработок. Ничего событийного в моей жизни не происходило, пока однажды, взятая на «слабо» моим приятелем Илюхой Рискиным, я не обнаружила вдруг в себе способности к рифмованию.

Вот честно скажу – это для меня, впрочем, как и для Илюхи, стало полной неожиданностью. А когда оказалось, что помимо стихов я могу еще и тексты песен писать, Рискин крайне оживился и занялся проталкиванием меня (за определенный процент, конечно) в родимый шоу-бизнес. Сама бы я ни за что не рискнула сунуться в эту банку с пауками, но Рискин на то и Рискин.

Именно благодаря Илюхе и произошло наше знакомство с Лешкой. С Алексеем Майоровым, небожителем российского шоу-бизнеса, мегапопулярным певцом.

Гримасы судьбы, ей-богу, но вдруг оказалось, что именно этот эпатажный, невысказанно далекий, закрытый для всех человек и есть моя вторая половинка. А я – его.

Но как же трудно мы шли друг к другу! Бешеная ненависть отвергнутой фанатки, месть, предательство, клевета, шантаж, похищения, убийства, попытка завладеть состоянием Майорова – казалось бы, что еще способен вывалить на наши головы неизвестный затейник?

А много чего. И даже гибель Лешки в прямом эфире, после которой я, если честно, не хотела жить. Не будь рядом нашей дочери, всякое могло бы произойти.

Но у нас на тот момент уже была дочь, Ника Алексеевна, ребенок-индиго, наделенный необъяснимыми, порой пугающими способностями.

Когда Лешка «погиб», сгорев без остатка во взорванном лимузине, когда все, даже я, смирились с его смертью, де-

вочка знала, что отец жив. И держала его на грани бытия, не пуская в бездну. Причем делала это на расстоянии: Ника находилась в Москве, а обгоревший, не приходящий в сознание Лешка – на дальнем лесном хуторе, у старика-отшельника, знахаря и ведуна. Сказать об этом малышка не могла, ей тогда было всего десять месяцев. Но она спасла отца, вытащила его из мрака и привела к нему меня.

О необычных способностях дочери Алексея Майорова знали только самые близкие друзья, мы не хотели привлекать к себе дополнительного внимания, его, внимания, причем самого беспардонного, в нашей жизни и так было с избытком. Папарацци гроздьями висели здесь и там, фиксируя каждый шаг, ведь чудесное «воскресение» Алексея Майорова довольно долго было новостью номер один. А узнай они, что маленькая Ника Алексеевна – ребенок-индиго!..

К тому же мы были уверены, что наша малышка обязательно привлекла бы внимание разных малосимпатичных научных и околонаучных контор, не говоря уже о спецслужбах.

Впрочем, что касается спецслужб, во всяком случае российских, здесь мы могли не волноваться, ведь у нас был дед Сережа. Он же – генерал ФСБ Сергей Львович Левандовский, отец Лешкиного друга Артура. Они с Ириной Ильиничной, мамой Артура, стали для нашей дочки настоящими дедушкой и бабушкой, ведь с родными малышка встретиться не успела.

Зато деда Сережа и баба Ира просто утопили девочку в любви и заботе, и я не позавидую тому, кто посмеет обидеть их младшую внучку!

Старшей внучкой была Инга, дочь Артура и Алины, в детстве именуемая Кузнечиком. Сейчас эта тринадцатилетняя барышня на сие прозвище не отзывается, но более нежную и любящую сестричку надо еще поискать. И то, что Ника и Инга не являются родными по крови, никакого значения не имеет.

В общем, после возвращения Лешки из небытия мне казалось, что теперь-то, наконец, в нашей жизни все успокоится, ведь куда уж хуже? Что может быть страшнее пережитого?

Может, как оказалось. Необычные способности Ники не остались незамеченными. И привлекли они внимание того, кого я не могла представить в самом бредовом кошмаре.

Силой нашей дочери захотел завладеть бокор. Вот-вот, я тоже понятия не имела, кто это, пока не столкнулась с ним воочию.

Вуду. Согласитесь, разве можно представить, что эта религия, ставшая постоянным поставщиком сюжетов для голливудских триллеров, способна появиться в вашей реальности? Колдуны, зомби, восковые куколки, кровавые ритуалы – где мы и где все это?

А я скажу вам где. На Лазурном побережье Франции, в цивилизованном и гламурном Сан-Тропе, где Лешка решил купить виллу.

Именно там Паскаль Дюбуа, колдун из Гвинеи, последователь черной, кровавой стороны вуду, именуемый бокором, пытался забрать нашу дочь, чтобы сделать из нее свою помощницу и преемницу. И вот тогда-то я и узнала, что такое настоящая жуть.

Вы можете себя представить отдельно от тела? Причем видеть свое тело со стороны не лежащим, скажем, в больнице и не спящим, а вполне дееспособным. Оно ходит, говорит, дышит, а еще – выполняет ВСЕ приказы хозяина. Бокора.

Бред? Так не бывает? Я тоже так думала, пока не оказалась в корявой, сделанной вручную, магической бутылке, как тот джинн – в лампе. А в стоявшем рядом сосуде маялась в заточении душа моего мужа.

Ему пришлось гораздо хуже – в его тело бокор вселил часть себя, превратив Алексея Майорова в свое подобие.

Но мы все-таки смогли вырвать нашу дочь из лап колдуна, хотя произошло это в последний момент, когда бокор уже начал ритуал посвящения.

А потом справились и с самим колдуном, хотя это казалось почти невыполнимым. Если честно, я до сих пор не верю, что у нас получилось, слишком уж силен был Паскаль Дюбуа, бокор из Гвинеи. И если бы не помощь унганов – жрецов светлого вуду и мамбо – светлой жрицы, а также нашего приятеля, полевого агента ЦРУ Винсента Морено с напарниками, шансов у нас не было бы.

Ведь даже тогда, когда Морено с бойцами повязал бокора

и его зомби, Дюбуа не сдался и хотел полностью перейти в тело моего мужа. Унгань и мамбо, как ни старались, помешать ему не могли. Пистолет Морено, приставленный к виску колдуна, тоже.

И вот тогда на помощь пришла Ника. У меня до сих пор мороз по коже, когда я вспоминаю эту картину: крохотная девчушка двух с половиной лет от роду, вытянувшись в струнку, стоит на алтаре, где корчится в судорогах тело ее отца. Вокруг девочки, постепенно разгораясь все сильнее, возникает сияние. Лицо Ники, ставшее вдруг взрослым и каким-то чужим. И перекошенная злобой физиономия колдуна, выхватывающего у остолбеневшего от шока Морено пистолет.

Он хотел убить мою дочь, этот подонок! Но у него ничего не вышло, я успела заслонить Нику собой. Получила, правда, пулю в грудь, но ничего, выжила.

А вот колдун – нет. Морено очень-очень разозлился на неспортивное поведение своего подопечного и свернул ненароком поганцу шею. Но до этого Ника успела выгнать из отца всю грязь, оставленную в нем боком, и вернуть ее, грязь, первоисточнику. Так что переселиться Паскаль Дюбуа никуда не успел.

Честно скажу, я не люблю вспоминать об этом. И не столько из-за пережитого кошмара, сколько из-за дочери. Слишком уж чужой и непонятной была тогда моя роднуля. Я вижу наполненные каким-то мистическим почтением глаза унга-

нов и мамбо, вконец обалдевшие лица Морено и его напарников. И – слепящий ореол вокруг дочери.

Нет, все, хватит. Что было, то было. И больше не вернется. Разве только в ночных кошмарах.

Я выкарабкалась, пусть и с трудом. Лешка снова прежний, вот только седины, которую приходится закрашивать любимцу публики, прибавилось. Виллу, на которой все происходило, он продал сразу же, да и вообще я как-то разлюбила с тех пор Лазурный Берег.

Но главное – Ника, Никуська, Никушонок сейчас ничем не отличается от других детишек. Разве что намного более развита, говорит очень чисто и хорошо, учится читать. Но никаких проявлений ментальной силы с тех пор больше не было. И слава богу, очень уж неуютно видеть в собственном ребенке какого-то мессию.

А еще Никусик ни единым словом, ни разу не упомянула о шторме, разыгравшемся больше полугода назад. Мы все не говорим об этом. Для друзей и знакомых была озвучена версия о свихнувшемся маньяке, похитившем нашу семью. Винсент Морено полностью подтвердил эту версию перед всеми, а в первую очередь – перед французской полицией. Его бойцы тоже обещали держать язык за зубами. Да и кто бы им поверил!

С Франсуа, сыном одного из унганов, сыгравшим весомую роль в нашем освобождении, и с мамбо Жаклин мы еще пару раз встречались там, во Франции, они навещали меня в кли-

нике. И если с Франсуа, студентом Сорбонны, мы поддерживаем связь через Интернет и сейчас, то с Жаклин после возвращения в Москву не общались ни разу.

Потому что говорить жрица светлого вуду может только о Нике и о ее ментальной силе. Я вижу, что Жаклин спит и видит мою дочь своей ученицей. Нет уж, спасибо. Знать не хочу больше ничего о колдовстве, двадцать первый век за окном, на минуточку!

Вернулись мы в Москву в конце сентября, а с середины октября у Лешки начался грандиозный концертный тур, первый за последние два года, первый после «воскресения». Билеты были раскуплены за месяцы до начала гастролей, зрители соскучились по своему кумиру, и Лешка, хоть и не оправился полностью после пережитого шока, подвести своих поклонников не мог.

И уехал в турне. И мы не видели нашего папу до самого дня рождения Ники, до двадцать первого декабря. Зато и день рождения, и Новый год, и Рождество мы провели вместе. Новый год встречали за городом, на даче у Левандовских. Лешку пытались заманить на новогодние мероприятия запредельными гонорарами, но это все было абсолютно бесполезно. Мы ведь так соскучились друг по дружке!

В общем, папсик наш уехал, конечно, но только в середине января. И вернулся вчера, в День святого Валентина.

Глава 2

Спать больше не хотелось. Лежать без движения, уткнувшись носом в теплое плечо мужа, тоже. Належусь еще без него, без движения, когда Лешка опять уедет на гастроли. А сейчас следует быть настойчивой и категоричной, дабы супруг ни на секунду не усомнился в серьезности моих намерений.

Хватило одного легкого укуса за мочку уха. Лешка оказался не менее категоричен. И очень, очень целеустремлен.

В общем, во владения домоправительницы, то бишь на кухню, мы выбрались только через час.

Вот только ни Катерины, ни нашей дочери там уже не было. Дамы о чем-то спорили в комнате Ники. Вероятно, неутомимая оптимистка баба Катя не оставляет попыток приучить малышку к порядку. Ну-ну, удачи.

А нам давно пора заняться вплотную внушительной горкой аппетитнейших оладушек. У подножия горы толпились плосечки с медом, сметаной, клубничным вареньем и сгущенкой.

– Ну вот, – я беспомощно осмотрела вызывающий обильное слюноотделение стол, – и как с этим бороться?

– Легко! – Лешка, урча от удовольствия, поливал медом первый пяток оладий. – И, что характерно, непринужденно.

– Обжора, – проворчала я, усаживаясь напротив. – Не бо-

ишься, что скоро на сцену тебе придется выползать со специальной подпоркой для пуза?

– Не-а, – ухмыльнулся любимец публики. – Для чего я, по-твоему, танцоров держу?

– Для танцев? – робко предположила я.

– Умничка какая! – Злыдень восхищенно посмотрел на меня, не выпуская, впрочем, из рук вилку с очередным сдобным кусочком. – Сама смогла проследить цепочку «танцоры – танцы». Bravo. Поражен. Снимаю шляпу. Но это еще не все!

– В смысле – еще что-то снимешь, кроме шляпы? Охальник, мы же не в спальне!

– В смысле – танцоры мои. Если я слегка располнею...

– Разжирею.

– Грубо.

– Особенно после одиннадцатой оладушки.

– Вот-вот. «Кушай, кумочка, десятый блиночек, разве ж я считаю!» В общем, мне в случае чего самому на сцену выходить не придется, меня вынесут танцоры.

– На носилках и с капельницей?

– В паланкине и с опахалами.

– Ага, и будут с энтузиазмом опахать тебя, причем на глазах у изумленной публики.

– Пап, а что такое опахать? – появившаяся в кухне Ника пристроилась на папины колени. – Поле по кругу на тракторе объехать?

– Типа того, – усмехнулся Лешка.

– Так ты что, собрался на тракторе песни петь? – недоверчиво посмотрела на него дочка. – Нет, ну люди, конечно, удивятся, тут мама права, но ведь не слышно ничего будет! И вообще – глупо как-то.

– Никочка! – А вот и наша баба Катя, решила лично контролировать процесс поглощения пищи ее подопечными, вдруг по ошибке салфетки вместо оладушек зажуют. – Так нельзя с папой разговаривать, папа глупости говорить не может!

Катерина, много лет проработавшая у Лешки, боготворила его, авторитет хозяина лишь однажды был подвергнут сомнению – когда в доме вместо меня появилась, пусть и ненадолго, другая женщина. Тогда Катерина ушла от Майорова, впервые за долгие годы работы.

И, конечно же, вернулась, когда наша семья воссоединилась. Баба Катя безумно любит нашу малышку, они с бабой Ирой Левандовской даже немного ревнуют друг дружку к Нике. Каждая считает, что девочка к сопернице относится лучше. Хотя какие еще соперницы – Ирина Ильинична и Катерина давно сделались добрыми подругами. Но Нику ревнуют.

А еще наши бабули сплотились на почве порицания безалаберных родителей, то есть нас с Лешкой. Разве ж так можно – говорить с ребенком на равных, подкалывать один другого в присутствии девочки! Авторитет родителей – вещь

незыблемая, монументальная. Ребенок должен трепетать перед этой глыбой, а не общаться с отцом и матерью, как с приятелями!

Поэтому я старательно проглотила вместе с едой ехидный комментарий по поводу папиных глупостей. Не стоит расстраивать домоправительницу, а то вместо мяса по-королевски, запеченного в духовке, получим на обед паровые тефтели с несоленым рисом.

Вот только Ника предусмотрительностью матери не обладала, а своей пока не нарастила. Поэтому, хитренько улыбнувшись, уточнила:

– Значит, все, что говорит папа, – правильно?

– Конечно!

Осторожнее, Катерина, это же НАША дочь, и ген ехидства у девочки возведен в квадрат – папин умножен на мамин.

– А вот вчера я слышала, как папа сказал: «Курочка по зернышку клюет...»

– Правильно, деточка, – расплылась в умильной улыбке баба Катя, – это пословица такая есть, очень поучительная. Ты всю ее запомнила, да?

– Ага, – кивнула деточка, а Лешка начал потихоньку перемещаться к краю стола.

– Давай вместе закончим?

– Давай.

– «Да сыта бывает».

– «А весь двор засирает».

– Алексей, как вы могли, в присутствии ребенка!

– Спасибо, Катерина, все было очень вкусно.

И непогрешимый господин Майоров, втянув голову в плечи, выскользнул из пищеблока, словно таракан, удирающий от тапки. Понять его можно – «тапка», наливавшаяся свекольным румянцем гнева, габариты имела внушительные. Причем, как у всех истинных хохлушек, габариты эти были тугие и плотные, а не дряблые и рыхлые. И хотя до сих пор рукоприкладством домоправительница не занималась, но рисковать авторитетнейший авторитет Алексей Майоров не хотел. Полотенцеприкладство ведь пару раз случалось.

А вот мне спешить было некуда, к тому же я не допила еще свой кофе. Лешка свой тоже не допил, но он уволок любимую пол-литровую кружку с собой. Занял уже небось место за компьютером, предметом наших постоянных споров, и будет цедить напиток минут двадцать. Занудничать и всячески мешать я, конечно, буду, без этого никак, но пока пусть побродит по Интернету спокойно. На сайты своих фан-клубов заглянет, пару постов в блогах оставит. У людей радости на пару недель будет.

Я же послушаю и поучусь, как надо воспитывать ребенка. Главное, с комментариями не влезать, вдруг у Катерины что-то получится?

Несмотря на наши коллективные усилия, гора оладушек на блюде уменьшилась всего лишь наполовину. Ну, съедим

мы до вечера еще несколько штук вприкуску, все равно придется часть выбросить. И справиться, причавкивая и пуская слюни на бороду, с остатками вкусовостей некому.

Да при чем тут дворник Рахимзянов, не хватало еще его на объедки приглашать! Ну и что с того, что бородатый и чавкает? У нас другой персонаж в семье был, огромный, лохматый и бесконечно преданный. Наш пес Май.

Этот ирландский волкодав появился в моей жизни в один из самых страшных моментов, незадолго до появления на свет Ники. Наша малышка еще до рождения притягивала нездоровое внимание разных inferнальных личностей, и от одной из таких, маньяка-людоеда, меня и спас Май.

И с того момента всегда и везде был рядом. Более преданного, умного и храброго создания я не знаю.

Когда же родилась Ника... Я читала, что дети-индиго могут общаться с животными, рыбами и птицами, но читать – это одно. А вот видеть, как твоя новорожденная дочь, вцепившись ручками в косматую шерсть на изуродованной шрамами морде пса, смотрит ему в глаза и что-то гулькает, а зверь в ответ метет хвостом и поскуливает, – это совсем другое.

И у малышки с момента рождения появился надежный и верный друг. Пес не отходил от Ники ни на шаг, спал возле ее кровати, сопровождал на прогулках коляску. Девочка и ходить-то училась, держась за шерсть гиганта. Связь между ребенком и зверем была такая же необъяснимая, как и дру-

гие способности Ники. Малышка могла управлять псом на расстоянии, внушая ему свои мысли. А Май чувствовал беду, надвигающуюся на любимого человечка, заранее.

И тогда, накануне нашего отлета во Францию, пес словно сошел с ума. Мы его с собой не брали, поскольку первые дни собирались жить не на вилле, а в отеле, где проживание с животными запрещено. Собакевича должны были привезти чуть позже Левандовские.

Поэтому неадекватное поведение Мая мы приняли за нежелание оставаться без нас. А это было нежелание отпустить нас. Даже не столько нас, сколько Нику. Пес впервые в жизни угрожающе рычал на всех, загораживая девочку. А когда мы все-таки сели в машину и уехали, вслед нам долго звучал тоскливый собачий вой. Словно по покойнику.

Левандовские, у которых остался пес, рассказали нам потом, что с того дня, как мы попали в лапы колдуна, Май окончательно обезумел. Он ничего не ел, только пил воду, с ненавистью смотрел на всех, даже на Кузнечика, стал агрессивен. Сергею Львовичу вместе с Артуром пришлось соорудить вольтер на даче и перевезти туда волкодава.

Откуда пес в итоге и сбежал. Он вырыл подкоп под сеткой, дождался, пока откроются ворота, и – пропал.

И его нет до сих пор. Сергей Львович, чувствуя себя виноватым, задействовал все свои связи, пытаясь разыскать Мая, но увы... Хотя казалось бы – не болонка пропала и не карликовый пинчер, самую большую собаку в мире, принадле-

жашую к занесенной в Книгу рекордов Гиннеса породе, не заметить невозможно.

И в первые дни после побега пса замечали. Гигантского лохматого зверюгу, куда-то целеустремленно бегущего вдоль дороги, замечали проезжающие автомобилисты. Мая видели на трассе, ведущей к Москве, затем – в районе Кольцевой, а потом следы пса терялись. Где он, что с ним – не знаю. Но... Если бы он был жив, то пришел бы.

Я пыталась узнать у Ники, чувствует ли она Мая, но малышка говорить об этом отказывается. Она отводит в сторону мгновенно наливающимися слезами глаза и начинает шмыгать носом.

А еще малышка часто рисует своего лохматого друга. Май и Ника вместе – вариации на эту тему.

Мы все скучаем по собакевичу. Очень. Даже Катерина, постоянно ворчавшая по поводу ключьев шерсти в квартире.

Сейчас шерсти нет. И следов больших грязных лап на полу нет. И плюшки доедать некому...

Глава 3

На сегодня было назначено randevу с моим лечащим врачом. Не сказала бы, что посещение медицинских учреждений является моим любимым времяпровождением, я пока не достигла того возраста, когда сдача анализов превращается в привычный ритуал. Просто наши каникулы в Сан-Тропе оставили неизгладимый след не только в моей душе, но и на моем теле.

Потому что уродливый шрам, оставшийся после ранения в грудь, загладить довольно проблематично. Лешка постоянно работает над этим, но у него слишком чуткие руки и нежные губы. Тут, похоже, поможет только утюг. С отпаривателем.

Но сегодняшнее свидание с врачом вызвано вовсе не попыткой вернуть моей коже былую гладкость, для этих целей существуют пластические хирурги. Просто слишком уж вдумчиво и старательно поработал надо мной приснопамятный Паскаль Дюбуа. Само по себе ранение оказалось почти смертельным, но ведь были еще и переломы ребер, и внутренние повреждения, и сотрясение мозга. Конечно, лечили меня во Франции очень старательно (еще бы, за такие деньги-то!) и очень долго (про деньги помните?). Потом Лешка, стоворившись с Хали Салимом, мужем моей лучшей подруги Таньского, отправил нас с Никой в один из лучших панси-

онов Швейцарии, как раз на период своего первого гастрольного тура.

Хрустальный, звенящий от прозрачности горный воздух, веселый щебет дочери, великолепная кухня, тишина и покой – все это окончательно выгнало из меня последние следы болезни.

Так мне казалось. Ведь чувствовала я себя прекрасно, у меня ничего не болело, только иногда, чаще всего накануне перемены погоды, ныл и гундел шрам на груди. Но я на нытика внимания не обращала, наслаждаясь жизнью.

Да, понимаю, звучит немного пафосно, но надо, наверное, побывать за гранью реальности, вдоволь надышаться черным мраком зла, чтобы научиться ценить каждое мгновение.

Падает снег...
Банально и скучно?
Не знаю, возможно,
Но я
Не устаю удивляться
Искусству
Привычных секунд
Бытия.

И снежное кружево за окном, и запах пирога воскресным утром, и отпечаток подушки на розовой щечке разоспавшегося ребенка, и теплое дыхание мужа на моих ресницах, и его утренняя нежность, и его же вечерняя страсть – мое еже-

дневное счастье. Счастье спокойной, безмятежной жизни.

А мятежей мне не надо, всех революционно настроенных личностей хочется послать в анналы истории, причем поглубже.

Вот только здоровье, обиженное, видимо, моим невниманием к его персоне в последнее время, решило напомнить о себе. Причем в довольно грубой форме.

Первый раз это случилось сразу после празднования Нового года. Мы только-только вернулись с дачи Левандовских, Ника утонула в свою комнату, Катерина возилась на кухне, а мы с Лешкой, уютно устроившись на диване, смотрели очередную праздничную белиберду.

И вдруг – острая, пронзающая боль в груди. Причем не на месте раны, а прямо в сердце. Словно кто-то воткнул в меня нож. Я запнулась на полуслове и замерла, не в силах ни вдохнуть, ни пошевелиться. Сказать, что Лешка тогда испугался, – ничего не сказать. Помню его бледное до синевы лицо, дрожащие губы, переполненные страхом глаза. Он вызвал неотложку, та приехала довольно быстро, что для провалившейся в двухнедельный праздничный марафон Москвы является скорее исключением. Даже для платной медицинской помощи.

Но самое интересное, что к моменту приезда «Скорой» моя боль исчезла. Именно исчезла, точно так же, как и появилась, – мгновенно, словно нож вынули. Врачи, конечно, провели все предусмотренные манипуляции: сняли кардио-

грамму, измерили давление, пульс – отработали, в общем, стоимость вызова. Все оказалось в норме, хоть завтра в космос запускай. Ворчать, разумеется, никто не стал, но на физиономиях эскулапов, когда они сворачивали свою аппаратуру, довольно четко, словно их подержали над огнем, проступила надпись: «Совсем обнаглели, вызывают на каждый чих, да еще и в праздничный день! Звезды, понимаешь!»

Лешка до самого вечера обращался со мной, словно с фарфоровой вазой династии Мин, купленной на аукционе Сотбис за полмиллиона долларов. Пока не получил от вазы тапкой в лоб.

Но к моему (вернее, нашему общему) врачу муж меня все-таки загнал. Владилен Павлович, пожилой одышливый толстяк, был врачом от Бога. Прекрасный диагност, опытнейший специалист, обладающий прекрасной памятью, что позволяло ему помнить всю историю болезни каждого из своих пациентов. А еще, что немаловажно в нашем случае, доктор Горчаков умел хранить врачебную тайну. Работал он в одной из престижнейших клиник Москвы, и среди его подопечных было много важных персон. Я уверена, что папарацци не единожды пытались выведать у дражайшего Владилена Павловича что-нибудь интересенькое, желательно грязненькое. С таким же успехом можно было расспрашивать памятник работы Зураба Церетели.

В общем, нудный Майоров под угрозой срыва его гастролей заставил меня обратиться сразу после праздников к док-

тору Горчакову. Тот разволновался до чрезвычайности, ведь моя медкарта с недавних пор являла собой пособие для начинающего врача. Меня снова прогнали по кругу разнообразнейших обследований – все оказалось в норме. С меня было взято честное-пречестное слово явиться на очередное randеву ровно через месяц, а если вдруг не дай бог что – звонить сразу ему, Владилену Павловичу.

После чего Лешка с относительно спокойным сердцем уехал.

А через пару дней после его отъезда случилось то самое не дай бог что. Правда, на этот раз боль прожгла живот. А если учесть, что произошло это в момент, когда я находилась за рулем автомобиля, последствия могли быть довольно печальными.

Но унылые последствия своего выхода на сцену так и не дождались. Я за последние полгода испытала столько боли, что раскаленный прут под солнечным сплетением скрутить меня в вопящий клубок не смог. Хотя и очень старался.

А еще трусливо себя повело мое сознание. Это истероидное свинство попыталось предательски сбежать!

Обломилось всем. Вцепившись в руль побелевшими от напряжения пальцами и тихонько поскуливая, я смогла кое-как перестроиться в крайний правый ряд и, включив аварийку, остановилась у обочины.

Буквально через три минуты, приветливо подмигивая проблесковыми маячками, прибыли доблестные сотрудники

ГИБДД.

И опять та же петрушка с укропом – едва впереди меня притормозила машина рыцарей в сверкающих доспехах, как моя боль прошла. Хорошо хоть бледность после пережитого осталась, ребята прониклись и взяли с меня совсем чуть-чуть.

Конечно же, я помнила про врученное доктору Горчакову честное-пречестное слово, и я честно-пречестно собиралась ему позвонить. Но сначала brave инспекторы голову задумрили, потом оказалось, что я безбожно опаздываю на встречу с издателем (сборник моих стихов выходил очередным тиражом), а дальше – ну забыла я, забыла!

Да и что идти-то, все равно ничего не найдут. Думаю, это моя измочаленная нервная система развлекается. Не помню, как это правильно называется – пролонгированный стресс? Как-то так вроде. Когда последствия экстремальной ситуации аукаются гораздо позже.

В общем, к сегодняшнему дню мне аукалось еще два раза: снова в сердце и в голову. Лешке я ничего говорить не стала, Горчакову – тоже. Сегодня, во время приема, все и расскажу. Да, знаю, виновата, но не убьют ведь меня, правда? Главное, чтобы Владилен Павлович мужу не наябедничал, иначе мало мне не покажется.

– Никусь, – я поцеловала теплую макушку дочери, сбегавшей от нотаций бабы Кати к нам, в гостиную, – мне после обеда надо к врачу съездить, вы тут с папой не подеретесь

без меня?

– Минуточку! – Лешка крутанулся на стуле, повернувшись к компьютеру спиной. – Я с тобой поеду!

– И я, и я! – запрыгала Ника.

– Пра-а-авильно, – усмехнулась я. – Так и ввалимся к дяде доктору всей толпой. Между прочим, посещение врача – дело конфиденциальное.

– Какое?

– Частное, – я пощекотала пузик любопытной мышки. – С глаза на глаз в смысле, то есть наедине.

– А почему тогда ты свои глаза добавляешь, когда меня к врачу ведешь? – хитренько улыбнулась малышка. – Я тоже хочу конфи... конфе... Папа, помоги!

– Конфиденциально.

– Вот, так хочу.

– А тебе так пока нельзя, ты еще несовершеннолетняя.

– И не буду никогда, – заявила Ника, сложив на груди ручки.

– Это еще почему?

– Потому что я зимой родилась, значит, я – совершенно зимняя. А вот ты, мама, совершенно летняя.

– А я?

– А папа – совершенно весенний.

– Да, я такой, – гордо напыжился Лешка. – Весенний, всегда юный и цветущий.

– Плесенью.

– Злая у нас мама и завистливая, правда, ребенок?

– Ага.

И Майоровы совершенно одинаково пригорюнились, подперев кулаками щеки.

– Алексис, – манерно прогундосила я, поднимаясь с дивана, – не забывайте, мон ами, что вы не являетесь самцом ухвертки, поэтому некоторые травмы для вас могут иметь необратимые последствия. Не гневите даму, не рискуйте самым дорогим!

– Это ты о чем сейчас? – насторожился муж.

– Ваша вопиющая необразованность заставляет меня в очередной раз усомниться в правильности выбора отца моего ребенка. Впрочем, все не так страшно, интеллект ведь наследуется по материнской линии. Так что, Никуська, не волнуйся, твое развитие вне опасности. А сейчас пойдем собираться.

– Куда? К врачу?

– Нет, я же говорила, туда я пойду после обеда. А сейчас давай-ка навестим Ингу Левандовскую.

– А баба Ира и деда Сережа будут? – оживилась дочка.

– Конечно, сегодня же суббота.

– Ур-ра! Пап, ты поедешь?

– Конечно, вот только кое-что в Интернете уточню, – опасливо покосился на меня Майоров. – Предупрежден, значит – вооружен.

Через пять минут раздался изумленный возглас:

– Ни фиги себе, зачем ему два!

Глава 4

На всякий случай я позвонила Левандовским, мало ли какие у них планы на эту субботу. Мы ведь не собирались сегодня к ним с визитом, это мой личный сиюминутный экспромт, вызванный желанием семейства Майоровых составить мне компанию при посещении врача.

А как я буду каяться в присутствии Лешки?! Мне же потом придется распрощаться со свободой волеизъявления, на смену ей припрется жесткий контроль, плавно переходящий в семейный террор. Передвигаться по городу в сопровождении Катерины мне почему-то не хочется.

Конечно же, нам были рады. Правда, Ирина Ильинична распереживалась, что не успеет соорудить «гостевой» стол, придется довольствоваться повседневным меню. Я, если честно, с удовольствием избежала бы единоборства и с повседневным меню Левандовских-старших, составленным, по-моему, с учетом рациона борцов сумо. Но, увы, это было нереально. Попытка сослаться на обильную кормежку подруги-соперницы Катерины только расстроит бабу Иру.

Сергея Львовича дома не оказалось, но он должен был скоро приехать. Зато все Левандовские-младшие – и Артур, и Алина, и Инга были на месте. Что тоже случалось достаточно редко, Артур, виолончелист с мировым именем, гастролировал не меньше Лешки.

Так что мой экспромт оказался весьма кстати – Артур и Лешка искренне обрадовались встрече, Инга моментально уволокла Нику в свою комнату, мы с Алиной попытались, конечно, сунуться во владения Ирины Ильиничны с предложением помощи, но были безжалостно изгнаны. Ну и ладно, пойдем шептаться в квартиру Артура и Алины.

Старшие и младшие представители семейства Левандовских жили в соседних квартирах, генерал позаботился об этом после трагедии, разыгравшейся несколько лет тому назад. Тогда Артур и Алина, поехавшие отдохнуть к морю, пропали. Их не было около года, родители уже почти смирились с тем, что внучку придется растить бабушке с дедушкой. И так сложилось, что вернуть ребят помогла я.

И теперь я смело могла рассчитывать на помощь подружки. Даже не на помощь, а на соучастие – надо было отвлечь внимание моего семейства на момент маминого бегства.

Но до этого пришлось выдержать массированную атаку на органы пищеварения. Причем тихо отсидеться, изредка поклеывая еду, рядом с Ириной Ильиничной не получается. Она немедленно расстраивается, сочтя такое поведение признаком недовольства ее стряпней.

Пришлось сдаться на милость победителя. А знаете, как после этого трудно передвигаться? А наклоняться, чтобы застегнуть сапог?! Это вообще на пределе человеческих возможностей.

Но ничего, главное – мое семейство тоже попало под удар,

и, как менее стойкие личности, после обеда они отяжелели так, что Никуська уснула почти за столом, а Лешка смог лишь донести сначала дочь до кровати Инги, а потом себя – до дивана перед телевизором. Там уже полулежали объевшиеся Сергей Львович и Артур. Коварная Алина подкинула мужчинам какое-то ЧМо. В смысле – чемпионат мира. Кажется, по хоккею. Или бобслею? Я услышала только окончание «ей».

Нет, то, о чем вы подумали, исключается. Ведь Лешку даже теперь, когда поклонники узнали о его женитьбе и рождении дочери, все еще пытаются уличить хотя бы в бисексуальности, поэтому у него особенно негативное отношение к теме нетрадиционной ориентации. Ну не гееспособен он, господа!

Нашу машину я решила не брать, доберусь и на такси. Вызвала машину по телефону и тихонечко, по-английски, выскользнула за дверь.

Фу, не так, я что – слизень какой-нибудь, чтобы скользить? Нормально я вышла, стараясь лишь не сопеть громко и не топтать.

В медицинском центре было, как всегда, тихо, спокойно, красиво. Никакой тебе суетливой очереди за талончиками, никакой грязи на полу, непременного последствия февральской слякоти в муниципальных лечебных учреждениях. Не говоря уже о гудящей толпе перед нужным кабинетом, состоящей из нескольких группировок: по талонам, по записи,

по больничному и – «я только спросить!».

Специалисты здесь тоже подобраны отличные, что вовсе не является нормой для платной медицины. Хватает и в этой области «своих» человечков, пристроенных по знакомству, которых надо гнать поганой метлой.

Но конкретно этот медцентр дорожил своей репутацией, поэтому подбору кадров здесь уделялось особое внимание.

Впрочем, здесь все было продумано до мелочей: и интерьер, и форма сотрудников, и реклама, и организация обслуживания.

Нет, с рекламой как-то вышел казус. Откуда он, казус, вышел? Из рекламной листовки, которую я лично обхихикала, после чего все листовки исчезли.

На стойке рецепции здесь, как и в других подобных заведениях, лежит много полиграфической продукции: буклеты, листовки, календарики и так далее. И вот прихожу я как-то на очередное обследование и вижу красочную листовку, с которой на меня гордо таращится Наполеон Бонапарт. Бедняга, если бы он знал, ЧТО написано крупными буквами над его головой! «Самый известный случай геморроя!» Я, если честно, слегка обалдела – это чем же император-коротышка так досадил владельцу медцентра, что Наполеонушку геморроидальной шишкой обозвали? Взяла листовку, присмотрелась – а там мелкими буквами: «Во время известной битвы при Ватерлоо Наполеон страдал от сильнейшего обострения геморроя. Если бы он обратился в наш медицинский центр,

ход истории мог быть совсем другим...»

М-да, любопытная трактовка событий. И почему в Голливуде до сих пор блокбастер на эту тему не сняли?

Естественно, что сей гениальный образчик рекламной продукции я прикарманила, а на приеме у Владилена Павловича мы вместе похихикали над ним. И, как я уже упоминала, на следующий день листовок на стойке уже не было.

Как и следовало ожидать, клизму я от доктора Горчакова получила трехведерную, после чего, ощущая необыкновенную легкость во всем теле, порхала из кабинета в кабинет, пытаясь вместе с Владиленом Павловичем обнаружить причину внезапных приступов.

Не получилось. Все суперсовременное медицинское оборудование нестройным хором утверждало одно и то же: «Тетка совершенно здорова».

– Да, голубушка..., – Владилен Павлович откинулся на спинку стула, сцепил руки на животе и запустил пальцевое веретено. Была у нашего доктора такая привычка – задумываясь, вертеть большими пальцами, причем с довольно приличной скоростью. Как их, пальцы, до сих не стошнило – не знаю. – Задали вы мне задачку. Так замечательно, а главное – довольно быстро поправиться после тяжелейшего ранения и травм, и вдруг такая ерундистика!

– А может, это все из-за стресса? – жалобно предположила я. – Нервишки шалят? Выпишите мне что-нибудь успокоительное, хорошо?

– Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего, – проворчал доктор, не останавливая веретено. – С подобной послестрессовой симптоматикой я еще не сталкивался. Стресс если наносит удар, то удар этот конкретный: сердце – значит, ЭКГ покажет изменения, желудок – тоже можно поставить соответствующий диагноз, не говоря уже о головных болях. Но у вас все, тьфу-тьфу-тьфу, в очень хорошем – учитывая ваш анамнез, конечно, – состоянии. А вот плохо то, что вы не сдержали обещания и ни разу не обратились сразу после приступа.

– Все равно ничего бы не нашли, чего время зря тратить. Прошло – и ладно.

– Знаете, Анна, – Владилен Павлович нахмурился, – раз ваш лечащий врач настаивает на чем-то, то это вовсе не глупый каприз. Значит, в этом есть необходимость. Чувствую, придется мне все-таки связаться с Алексеем!

– Не надо! – я умоляюще посмотрела на доктора. Ресницами похлопать, что ли? Взлететь – не взлечу, рыжие близнецы врут, но умильности взгляду, возможно, добавлю. Хотя нет, вряд ли, будь у меня пергидрольные волосы до попы и накладные ногти в мелкий цветочек, тогда – да, сработало бы. – Пожалуйста, не надо ничего говорить Леше, я больше не буду!

– Детский сад! – усмехнулся Горчаков. – Ладно, на первый раз прощается. Но учтите – еще хоть раз нарушите обещание, и я ознакомлю уважаемого господина Майорова со

всей историей вашей безалаберности.

– Нет-нет, я обязательно позвоню. Хотя не хотелось бы.

– Чего не хотелось бы – звонить? – Брови доктора поползли вверх.

– Не хотелось бы снова ощутить весьма, знаете ли, болезненный повод для звонка.

– А, в этом смысле! – Брови вернулись на место. – Это – да, это – конечно. Что же вам порекомендовать такое, дабы избежать повторного приступа? Давайте-ка попробуем вот эти таблеточки. Будете принимать один раз в день, утром, за полчаса до еды. И, как договаривались, ко мне – через месяц. А если вдруг...

– Обещаю! – Я взяла рецепт, выписанный Горчаковым, и направилась к двери. – До свидания через месяц.

– Надеюсь, – улыбнулся Владилен Павлович. – Привет семье.

Далеко привет нести не пришлось. Семья ждала меня у дверей медцентра. Вернее, там, на парковке, стояла наша машина, но рассчитывать, что «Порш Кайенн» сам приехал за любимой хозяйкой, не стоило. Сейчас небось ворчать начнут.

Небось не случился. Меня встретила угрюмая тишина, олицетворением которой были две мрачные фигуры со скрещенными на груди руками. Та, что побольше, сидела за рулем, поменьше – на переднем сиденье, хотя детское автомобильное кресло стояло на заднем.

– Лешка, ты что, Нику вез так?! – Я попыталась применить лучший метод защиты. – С ума сошел, да?! И как тебя только не остановили!

– Ника, – сурово проговорил Лешка, не поворачивая головы, – ты слышишь? Теперь ты понимаешь, почему я купил маме это?

– Да, – тяжело вздохнула девочка. – Понимаю. Она такая. Холодная и блестящая. И тонкая.

– Что же такое купил мне наш папочка? – Я устроилась на заднем сиденье. – Холодная, блестящая и тонкая? Как я? Хм, дайте подумать. Поняла! Изящное платиновое кольцо?

– Почти, – хмыкнул Майоров.

– И где оно?

– За детским креслом посмотри, там валяется.

– Валяется? Мое кольцо?

– Ага, – хихикнула Ника.

– Спасибо, родные, – проворчала я, вытаскивая рулон пищевой фольги польского производства с этикеткой «Супербаба».

– Пожалуйста! – хором ответили Майоровы.

Глава 5

Узнав, что у меня все в порядке со здоровьем (причем на слово Лешка мне не поверил, перезвонил-таки Горчакову за подтверждением), муженек мой решил оставшиеся до отъезда два дня провести с пользой, то есть заняться моим воспитанием.

Ника в кознях папашки участия не принимала, дочка у меня умная, взрослее некоторых, да к тому же и не злопаятная. Ну подумаешь – сбежала от них мама к врачу, было весело, конечно, но ведь много других развлечений, зачем же заикливаться.

Видимо, гены злокозненности, унаследованные от Майорова, пока еще едва укоренились, но до буйного цветения еще далеко. А еще Никуська, несмотря, вернее – благодаря необычным способностям, позволяющим ей чувствовать боль близких людей, за три года своей жизни узнала слишком много боли. И, как бы дико это ни звучало, ужас происшедшего не стал для нее чем-то запредельным. Для девочки это была ее реальность.

А вот для Лешки – нет. И боязнь потерять меня или дочь стала его устойчивой фобией. Поэтому все, что касается нас с Никой, отныне главное в его жизни. Он должен знать, что происходит с самыми дорогими людьми, просто обязан, по-другому никак.

А тут я со своими фокусами!

Ох, если бы Лешка узнал, что со мной происходило в его отсутствие... Хорошо, что не узнал.

Но профилактическим воспитанием непослушной жены решил заняться. В чем это выразалось? В разложенных и развешанных повсюду разнообразнейших инструкциях и правилах поведения. Знаете, как учат иностранный язык, цепляя на всех предметах листочки с названиями? Вот и мой любезный супруг решил, что сможет таким образом превратить полевого хомяка в шиншиллу. Это не я, это он, свин таковой, сказал. Нет, не свин. Если уж говорить о пушных зверьках, то Майоров – выхухоль.

А потом Лешка улетел. На целых две недели, в гастрольный тур по Дальнему Востоку. Но к Восьмому марта был обещан нам, ведь количество представительниц прекрасной половины человечества, которых следовало поздравить, в окружении господина Майорова было больше чем достаточно. Впрочем, достаточно – понятие весьма неопределенное, а потому – удобное.

Ника перед отъездом вручила папе вылепленного ею из пластилина забавного чудака. По версии автора, это был медвежонок, а звали его Бака.

– Как? – улыбнулся Лешка. – Бяка? Он что, вредина?

– Не-е-ет! – возмутилась юная скульпторша. – Он не бяка, он – Бака! Он хороший, ты его всегда с собой носи, а перед сном возле кровати ставь. Мишка будет тебе сказки рассказывать.

зывать, песенки петь, и ты быстро уснешь.

– Доча, а давай мы папе инструкцию по эксплуатации данного пластилинового изделия напишем, наш папа по-другому информацию не воспринимает... – Местью вот тут балуюсь, знаете ли.

– Давай! – И малышка направилась к своей комнате.

– Не надо, я на самолет опоздаю! – взмолился Лешка, показывая мне кулак. – Я все запомнил и даже сообразил, что для медведика нужна специальная коробочка, чтобы он не расплющился. Правильно?

– Ага!

– Тогда мне надо бежать, чтобы в аэропорту купить упаковку покрасивее. А кстати, – повернулся ко мне папа, – ты мне ничего не слепила?

– Я тебя слепила из того, что было, а потом что было, то и полюбила.

– Плагиат, но приятно! – мурлыкнул муж, занявшись филематологией.

Это, между прочим, научное название процесса поцелуя, а не то, что подумали особо невоспитанные и необразованные личности, вот.

Наш папа уехал, но у нас с дочкой было чем заняться. Хватит ребенку дома сидеть, скучно ей одной. Не будешь ведь без конца в гости мотаться, тем более что любимые друзья моей дочки, Лелька и Денька Салимы, живут не в Москве, а в Швейцарии. Да и не до гостей там сейчас, ведь у двойня-

шек скоро появится маленький братишка, Таньский, их мама, сейчас похожа на бочоночек с ножками.

А общения с детьми Нике не хватало все больше и больше.

Но, к сожалению, обычный детский сад нам не подходил, слишком уж опережала Ника в развитии своих сверстников. Определять ребенка к старшим детям рискованно, возраст ведь не является гарантией ума. Соблазн обидеть девчонку младше себя довольно велик, особенно у мальчишек, а эта конкретная девочка обиды терпеть не станет. И что она может сотворить с обидчиком – лучше не представлять.

Конечно, можно было бы отправить дочку в специальное заведение для детей-индиго, я больше чем уверена, что подобное давно организовано, ведь количество таких детей за последнее десятилетие резко возросло. Вот только существует такое заведение под крылышками соответствующих контор. Хотя нет, не под крылышками, слишком уж ненужные ассоциации вызывает это слово. Пусть будет под контролем соответствующих контор.

Короче, туда нам не очень хочется. И я попросила Сергея Львовича узнать координаты центров для особо одаренных детей, не имеющих никакого отношения ни к его месту службы, ни к их смежникам.

Генерал справился с заданием очень быстро, это же для Никусика!

В списке Левандовского оказалось пять адресов. Ехать ту-

да сразу с ребенком, думаю, не стоит. Сначала я наведаюсь туда одна, поговорю с воспитателями, с руководством, познакомлюсь с детишками. И, в зависимости от результатов, выберу один или несколько подходящих, куда уже можно будет ехать с Никой.

В первую очередь я решила съездить по самому удаленному адресу. Центр для одаренных детей с многообещающим названием «Наше завтра» располагался на территории бывшего пионерского лагеря, в десяти минутах езды по Рижскому шоссе, в великолепном сосновом бору. Уже хорошо, место уединенное, на свежем воздухе. Посмотрим, как обстоят здесь дела с охраной.

А что, очень даже хорошо обстоят. И забор подходящий, высокий и надежный, и ворота внушают трепет и уважение. Осталось посмотреть, кто там у ворот изнутри – дряхлый дедушка с кремневым ружьем или крепкие парнишки из охранной фирмы.

Но сначала хочу обойти территорию снаружи, вдоль ограды. Как дама, в заборах кое-что понимающая (но-но, не подзаборная!), знаю, что тыльная сторона изгороди частенько страдает кариесом. Дырки есть, в смысле. Парадная часть – супер, монолит, танком не возьмешь, а стоит зайти с черного хода – добро пожаловать всем желающим!

Оставив машину возле ворот, я пошла налево. Ну так, для общего развития, я ведь от Лешки налево не хожу, а узнать, что там, в налеве, хочется.

Да ничего особенного. Забор стоял ровно, плечом к плечу, без единой щели. Погода сегодня была замечательная, довольно редкая для второй половины февраля: легкий морозец, солнце, снег в лесу, в отличие от городского, ослепительно белый. Похрустывает под ногами так вкусно, с территории центра веселые детские голоса доносятся, деревья слегка покачиваются. Пастораль, в общем, причем полная.

Внезапно в благолепие грязными сапожищами вломился трехэтажный мат. Затем – хриплый, сорванный собачий лай, перемежающийся рычанием.

– Ах ты... совсем о...ел?! Ты когда поймешь, кто тут хозяин, а?! Сколько можно тебя учить, кабысдох проклятый! Убил бы давно, так ты... деньжищ стоишь немереных! У, зверюга! Даже голод тебя не сломал! Ничего, хорошая дубина обломает! Н-на, получи!

Снова звуки ударов, мат, жалобный собачий вскрик и – плач-скулеж.

Это какая ж тварь здесь над животиной издевается?! Да еще рядом с местом, где находятся дети?! Куда смотрит руководство данного заведения?!

Избиение продолжалось, пес скулил все тише. Да он же убьет беднягу, сволочь!

Да, знаю, соваться одной в незнакомое место, туда, где непонятно кто и неизвестно, сколько этих непонятно кого, – по меньшей мере глупо.

Но ведь там мучают собаку! И не так уж я и беспомощна,

у меня в рюкзаке дамский пистолет имеется. Штучка вроде игрушечная, но кусает больно, он ведь не газовый, а самый настоящий. Лешка мне его купил, а Сергей Львович разрешение оформил.

Звуки доносились из крайнего двора небольшой деревеньки, соседствовавшей с детским центром. Хорошо, что снег не очень глубокий, всего по щиколотку, бежать он не мешал. А еще хорошо, что я, собираясь за город, надела высокие ботинки на шнуровке и удобную куртку.

Переложив на всякий случай пистолет из сумки в карман куртки, я подбежала к металлической калитке с надписью: «Осторожно, злая собака!» – и запинала ни в чем не повинную калитку ногами:

– Немедленно откройте!

Глава 6

Особь, матерящаяся за забором, почему-то совсем не устыдилась присутствия посторонних. Отнюдь. Вернее, перенюдь – этажность матерной постройкой превысила допустимую высоту, и, согласно сопромату (нет, это другой мат, хотя...), надо мной нависла угроза обрушения всей конструкции.

Почему надо мной? Да потому, что вдохновленный матерной музой тварец (от слова «тварь», а не «творить») изволил прервать свое занятие и отнести свою... себя, в общем, к калитке:

– Какого... барабанишь? По башке своей постучи, козел! Коза! – Это распахнувший калитку самец человекообразной обезьяны даму узрел. – Сдурела? Че надо?

Вступать с оппонентом в дискуссию я не сочла нужным, поскольку по оттенку эмоций и наполненности ощущениями это было все равно что вступить в кучу экскрементов.

Чмо, явившее себя моему алчущему прекрасного взору, полностью подтверждало теорию Ломброзо. Скотство и склонность к насилию были намалеваны на физиономии самца несмываемыми чернилами. Впрочем, в данном конкретном случае это могли быть и обычные, смываемые, мужичонка в принципе не заморачивался с помывкой. О чем мое обоняние, истерически взвизгнув, сообщило перед тем,

как упасть в обморок.

Тощий, низкорослый, волосы растут от бровей, глазки затерялись внутри черепа, волосенки сальные и, по-моему, подозрительно шевелятся – не мужчина, а мечта.

Грозно – как ему казалось – набычившись, павиан в замызанной одежде попытался поставить наглуую бабу на место, выискивая все новые и новые речевые обороты. Ха, напугал ежиху голым задом! Пупсик, все попытки поставить меня на место заканчивались потерей места именно пытавшимися.

Что, собственно, и произошло. Бесцеремонно оттолкнув шибздика, я, сожалея лишь об отсутствии подходящего помела, влетела во двор. Предупреждающая надпись на калитке вводила путников в заблуждение, здесь обитала не одна злая собака. По периметру двора тянулись добротные вольеры с очаровашками устрашающего вида. И устрашающих размеров. Питбули, ротвейлеры, кавказские и среднеазиатские овчарки, бульдоги, еще какие-то неизвестные мне мохнатые монстры радостно приветствовали меня оглушительным лаем и брызгами слюны. Некоторые особи восторженно грызли сетку вольера.

Посреди двора, на затоптанном и окровавленном снегу, лежала груда меха. Определить, какой породы был пес, не получилось, слипшаяся от крови шерсть и судорожно подергивавшиеся лапы – все, что я смогла разглядеть с первого взгляда. Но цепь, тянувшуюся от шеи животного к вкопан-

ному в землю крепкому деревянному столбу, увидела.

От ярости мне на мгновение заложило уши. Исчезли все звуки: и сорванный лай, и злобные матюги копошившегося на снегу уroda.

Значит, храбрые мы такие, да? Посадили животину на цепь и отважно ломаем ей кости дубиной. Ай, молодец!

Я ногой подкатила к себе окровавленное орудие экзекуции и вытащила из кармана мобильный телефон. Так, кнопка быстрого набора, ну, снимите же трубку!

– Алло, Сергей Львович, миленький, срочно пришлите кого-нибудь, мне нужна помощь!

– Ты где? – Деда Сережа мгновенно превратился в генерала Левандовского. Расспрашивать и вваливать он будет потом, когда вытащит меня из очередной передраги.

– За городом, помните адрес детского центра «Наше будущее» из того списка, что вы мне давали?

– Да.

– Рядом с ним – деревушка, крайний двор, найдете по собачьему лаю. Здесь, похоже, держат псов для подпольных собачьих боев.

– Понял. Сколько продержишься? – Никаких тебе «А что ты там делаешь? Как туда попала?». Генерал меня слишком хорошо знает, а уж моя способность находить неприятности там, где их по определению быть не должно, доставила Сергею Львовичу немало «приятных» минут.

– Не знаю.

– Пистолет с собой?

– Да.

– Жди, постараюсь побыстрее.

– Эй... Ты кому звонила? – слегка обалдевший от такой наглости шибздик хотел приблизиться, но опережавшие хозяина миазмы вони прочистили мое сознание лучше нашатырного спирта.

– Не подходи! – Хорошо, что я переложила пистолет в карман, мой малыш послушно лег в ладонь.

– Ой... напугала до....! – В ухмылке были продемонстрированы гнилые зубы. – Пукалку спрячь свою газовую, я от нее чихаю. Или это зажигалка? Ты че... борзая, да? Че те надо?

– Шоколада. – И пуля вонзилась в снег в трех миллиметрах от левой стоптанной кроссовки.

– ...! – испуганно отпрыгнул павиан. – Да ты кто такая, в натуре? Тебя че, Гнутый прислал? Мужиков не осталось?

– Тут ты прав, с мужиками в стране напряженка. Выгнутого я не знаю, я пришла забрать собаку.

– Че?! – Рост плюгавчика позволял его челюсти без проблем достигнуть снега. Глазки, и до этого не сиявшие умом и сообразительностью, остекленели окончательно. – Какую, на..... собаку?

– Вот эту, – кивнула я на тщетно пытавшегося подняться пса.

– Он че, твой разве?

– Теперь будет мой, вы, сударь, с ним дурно обращались.

– Где? – Так, похоже, крохотный мозг аборигена завис от перегрузки.

– В Пицунде. Зачем пса бил, урод?

– А тебе, на... какая разница? – ощерился шибздоид. –

Псина моя, что хочу, то и делаю. Он... достал уже! Все время сбежать норовит, кидается. Давно б его, на... пристрелил, но боец классный, рвет соперников за пару минут.

– Так что ж ты калечишь его, если боец, как ты говоришь, классный? – Надо тянуть время, одной справиться будет трудновато.

– А он... меня за руку цапнул, когда я ему жрачку давал.

Вот и поучил малость.

– Да ты ж его чуть не убил!

– Так, пошла вон отсюда! – Шибздик начал наглеть, сообразил, наверное, что я одна. – А то ща как выпущу своих малышиков, так... и пукалка не поможет! Всех не перестреляешь!

– Не выпустишь. – Я подняла пистолет и, поддерживая его двумя руками, направила ствол на... м-м-м, в паховую область, короче. – Не успеешь. Отстрелю колокольчики.

– К-какие к-колокольчики? – Ведь понял же, судя по внезапно развившемуся заиканию, чего переспрашивать.

– Те самые. Нужные. Или уже нет?

– Петька, вали эту суку! – завизжал вдруг поганец, глядя мне за спину.

Рефлекторное желание повернуться и посмотреть на за-
явленного в программе Петьку я безжалостно придавила бо-
тинком. Тоже мне дурочку нашел! Я сейчас начну испуганно
озираться, а он у меня пистолет заберет.

Но хриплое рычание и последовавший за ним тонкий, ка-
кой-то заячий крик изящно намекнули мне, что я была не
права.

Не опуская пистолета, я слегка развернулась, чтобы ви-
деть и плюгавца, и то, что происходило у меня за спиной.

Господи, да как же он смог-то!

На снегу, в паре метров от меня, корчился и выл от бо-
ли здоровенный детина. Рядом с ним валялось очень несим-
патичное, толстое и сучковатое, полено, предназначавшееся,
как я понимаю, для моей многострадальной головушки.

Но встречи полена с головой не произошло. Потому что
на правой руке детины, намертво сжав челюсти, висел тот са-
мый, только что лежавший полутрупом пес. Кровавый след,
тянувшийся за ним, доказывал, что даже двигаться, не гово-
ря уже о броске на здоровенного амбала, зверь был не в со-
стоянии.

Но он бросился, преодолевая чудовищную боль, чтобы за-
щитить чужую тетку.

Чужую?! Я всмотрелась, и... Руки заходили ходуном,
кровь отхлынула от лица и накрыла захлебнувшееся серд-
це. Я перевела помертвевший взгляд на почему-то вдруг за-
крывшегося руками поганца и подняла пистолет повыше:

– Ты. Бил. Мою. Собаку.

Говорить с внезапно окаменевшим горлом очень трудно, слова гулко падали в пространство. В голове пульсировало одно желание – раздавить гниду.

Потому что на снегу, истекая кровью и не разжимая челюстей, лежал МОЙ пес. Пропавший полгода назад Май. Он смотрел на меня и плакал. Молча. То ли от радости, то ли от боли. Скулить, видимо, сил у зверя не было.

– Ты че, ты че, ты не это! – подвывая от страха, бормотал обсосок. – Не стреляй! Тебя же посадят!

Почему-то выражение моего лица ему крайне не нравилось. Категорически. Он начал пятиться, не отрывая от меня побелевших от ужаса глаз.

А я медленно надвигалась, продолжая ронять слова-камни:

– Ты. Украл. Моего. Пса. Ты. Его. Бил. Ты. Заставлял. Его. Убивать. Теперь. Я. Убью. Тебя.

– Не-е-ет! Не надо! Я не хочу!

Темная пелена поднималась все выше, с чавком заглатывая эмоции, разум и чувства. На поверхности осталось то, что не тонет. Например, желание убить.

Павиан прочитал это в моих глазах, упал на колени и завыл.

А я... Я внезапно словно увидела себя со стороны. И содрогнулась от омерзения. Посреди двора стояла зомби Паскаля Дюбуа: мертвое, неподвижное лицо, черные провалы

глаз и – полыхающая мраком ненависть.

М-да, общение с бокором бесследно, как видно, не проходит. Бр-р-р, гадость какая! Я встряхнулась, и во все стороны полетели черные ошметки ментальной грязи.

Шибздоид, не почувствовав перемены в моем настроении, продолжал выть, уткнувшись носом в колени. Его свора, только что заходившаяся от лая, смолкла и с любопытством прислушивалась к хозяйскому дуэту (не забывают о Пете).

Больше всего мне сейчас хотелось отшвырнуть пистолет и броситься к своему псу. Обнять его измученную морду, заглянуть в преданные глаза, убедиться, что с ним все будет в порядке. Но – нельзя. Пока нельзя.

Ну где же, где же кавалерия Левандовского?

Здесь. За забором послышался шум подъехавших машин, захлопали дверцы, и в так и не закрытую хозяином калитку ворвались добры молодцы в камуфляже.

Наконец-то! Я упала на колени перед окровавленным зверем и дрожащими пальцами осторожно провела по изуродованной шрамами голове:

– Май! Хороший мой, как же ты так?

Глава 7

За спиной послышался скрип снега, причем, если судить по некоторому привизгу несчастного снега, подошел кто-то массивный.

– Вы – Анна Лощинина?

Я оглянулась – надо мной навис шкаф. Двустворчатый он или одностворчатый, определить было сложно, камуфляж мешал. Но габариты больше подходили двустворчатому.

Говорить я не могла, мешал комок слез, скатившийся из глаз в горло. Поэтому только кивнула.

– Нас Сергей Львович прислал. С вами все в порядке?

Опять кивок. Но на собеседника я уже не смотрела, Май начал хрипеть, лапы его задергались.

Говорить я, может, и не могла, а вот орать, оказывается, очень даже могла. Записывай сейчас мою речь стенографистка, бедная дама, наверное, упала бы в обморок. Если, конечно, она была бы выпускницей Смольного или приверженцем изящной словесности. Потому что ни поведение мое, ни лексикон никак не соответствовали в данный момент образу благовоспитанной леди.

Зато парни генерала Левандовского меня прекрасно поняли и даже, по-моему, зауважали. И выполнили все, о чем я несколько эмоционально попросила.

Из пасти Мая вытащили гадость, то есть Петюню, пса

осторожно переложили на принесенное из дома одеяло, вызвали скорую ветеринарную помощь, хозяев питомника приковали наручниками друг к дружке (перебинтовав предварительно здоровяку руку) и налили мне спирта «от нервов». Но когда увидели, как я чистейшим медицинским спиртом протираю раны собаки, больше не наливали.

Я сидела на одеяле, обнимая своего потеряшку, Май, тихонько постанывая, лизал мои руки, парни в камуфляже ржали над безымянным для меня шибздиком. Оказалось, что «герой» во время нашего рандеву обмочился, излив полноту впечатлений в портки. К присущему ему аромату добавилась новая пикантная нотка.

Командир спецподразделения вполголоса говорил с кем-то по телефону. Свора, поднявшая было гвалт при появлении посторонних на их территории, положила гвалт на место и лишь изредка порывивала в вольерах.

Внезапно послышалось кваканье милицейской сирены. Трясшийся от холода (мокрые штаны в феврале оздоровлению не способствуют) шибздоид оживился:

– Ну все, козлы, вы попали! Ща с вами разберутся! Я заяву напишу, что вы с этой сучкой ворвались в мой дом, избили меня и моего напарника, издевались над нами! А эта... Ой-е!

– Язык укороти, клоп вонючий. – Ближе всех стоявший к паршивцу громила в камуфляже брезгливо вытер кулак, только что пропальпировавший брюхо «героя», о штанину.

Клоп, схватившись за живот, образцово-показательно

упал на землю и, скорчившись, засучил ногами и занял. Он что, в молодости в футбол играл?

– Всем стоять! – Ага, появились новые персонажи: пузатый красномордый капитан милиции и три милиционера с автоматами наперевес. Пузан, размахивая пистолетом, продолжал орать: – Бросить оружие! Руки за голову!

– Слышь, капитан, – лениво проговорил командир спецподразделения, – ты чего разорался? Смотри, горло застудишь, подчиненных строить не сможешь. Ты чего тут? Мимо проезжал? Или стукнул кто?

– Да как ты... – Пузан задохнулся от возмущения, красный цвет его мордени сменил оттенок, став багровым. – Я – капитан Жабков, начальник местного отделения милиции. Нам поступил сигнал о вооруженном нападении. Мои люди вооружены...

–и очень опасны! – насмешливо закончил командир. – Успокойся, капитан, это спецоперация ФСБ.

– Что? Как? Где? – Пузану вдруг стало нечем дышать, он рванул воротник мундира. – В-ваши документы.

– Это пожалуйста. – Красная книжечка раскрылась перед носом вспотевшего, несмотря на мороз, капитана. – Читай. Майор Янченко, Игорь Дмитриевич. Убедился?

– Да, но... Товарищ майор, почему я ничего не знаю о спецоперации?

– Меня другое интересует – почему начальник местной милиции ничего не знает об организации нелегальных со-

бачьих боев на вверенной ему территории? И о питомнике бойцовых собак рядом с детским учреждением? Сколько ты с этого имеешь, капитан?

– Вы на что намекаете? – Теперь пузанчик переливался всеми оттенками фиолетового. Как бы не лопнул.

– Разберемся. Помоги пока паковать задержанных. Да пусть вон тот, мелкий, переоденется, а то всю машину загадит.

Они еще о чем-то говорили, но я больше не слушала. Май начал дрожать крупной дрожью, глаза его закатывались. Ну где же врач? Я сняла куртку и завернула в нее пса, поскольку одеяло уже промокло. И от снега, и от крови.

Снова шум машины. Врач?

Во двор вбежал Сергей Львович в распахнутой шинели. Увидев нас, он на мгновение замер, словно задохнулся, потом сишло уточнил:

– Неужели... Май?

– Да. – Ну вот, стоило увидеть близкого человека, как слезы снова пробились наружу и закапали на морду пса. Тот лишь судорожно вздохнул и лизнул мою ладонь.

– Как же ты его нашла, дочка? – Генерал присел на корточки и только сейчас заметил, чем укрыт пес. – Игорь, ты куда смотришь, а? Аннушка ведь замерзнет совсем!

– Сергей Львович, меня этот тип отвлек, – кивнул Янченко на съжившегося, надеясь остаться незамеченным, капитана Жабкова. – Это местный шериф. Подозрительно быстро

прибыл, причем лично. Да еще и местный типчик почему-то обрадовался его появлению.

– Разберемся. Принесите пока какую-нибудь куртку потеплее.

Пока выполняли приказ генерала, во дворе появился наконец ветеринарный врач. И, едва взглянув на хрипящего пса, распорядился нести животное в машину. Коммерческие ветеринарные «скорые» сейчас оснащены не хуже, а порой и лучше «человеческих».

Разумеется, я поехала вместе с Маем. Наивные попытки врача и Сергея Львовича отговорить меня от этого я пропустила мимо ушей, и они, попытки, обреченно побрели мимо на фиг. Где этот легендарный фиг находится? А фиг его знает!

Я отдала Левандовскому ключи от своей машины, объяснила, где ее оставила, и устроилась рядом с вытянувшимся на носилках псом. Дальнейшая судьба шибздика и Петюни меня совершенно не интересовала. Безнаказанными они не останутся, и это главное.

Нет, главное сейчас – вытащить моего собакевича. Он должен жить, он ведь нашелся.

Или главное то, что я все-таки смогла победить мрак в своей душе?

Не знаю.

Я проторчала в ветеринарной клинике больше двух часов. Успели приехать Левандовские-младшие в полном составе.

Они привезли мне смену одежды, поскольку вид мой слегка шокировал посетителей и нервировал пациентов. Правда, пациентов, скорее всего, нервировал не вид, а запах. Запах крови.

А еще Алина притащила пакет с пирожками и горячий бульон в термосе, надеясь меня накормить. Не знаю, чего уж там понарасказывал дома Сергей Львович, но друзья смотрели на меня чуть ли не с благоговением.

– Улечка, – так меня зовет только Инга, на это есть свои причины, – а как ты все-таки нашла Мая? Откуда ты узнала, что его украли эти гады?

– Случайно. – Я устало откинулась на спинку диванчика. – Честно. Просто услышала, что кто-то бьет собаку, вот и решила вмешаться.

– Да уж, – усмехнулся Артур, обняв меня за плечи, – вмешалась! Мужик от страха описался, и это у нее скромно именуется вмешательством. Ты что там натворила, а?

– Полемизировала на тему бездушия и человеческой жестокости. Аргументы мои, видимо, поганцу не очень понравились.

– Анечка, на тебя же смотреть больно, выпей хотя бы бульончика! – жалобно попросила Алина. – Ты промерзла насквозь, заболеешь еще. Леша нас тогда без соли съест!

– Не могу. Кусок в горло не лезет. Вы ничего пока Никуське не говорили?

– Улечка, не волнуйся, мы бабе Кате позвонили и преду-

предили, что у тебя сломалась машина, поэтому ты задержи-
ваешься. Про Мая мы ничего не говорили, честно! Сама по-
том обрадуешь.

– Надеюсь. – Я судорожно сцепила ладони между колена-
ми. – Очень надеюсь.

– Насчет машины не волнуйся. – Артур вытащил из кар-
мана ключи. – Янченко пригнал ее в город и оставил в вашем
подземном гараже.

– Спасибо. Доктор, ну что там?! – вскочила я, увидев вы-
шедшего из операционной врача.

– Ваш пес поправится, – устало улыбнулся тот. – Хотя сей-
час состояние его тяжелое, но самое страшное уже позади.
Привези вы его на час позже, и спасти животное уже не уда-
лось бы. Какой мерзавец сотворил с ним такое?

– Он свое получит, – сквозь зубы процедила я.

– Надеюсь. Собака вся в шрамах и рубцах, есть даже пу-
левое ранение, правда старое...

– Это другая история.

– А вот недавние шрамы появились, похоже, из-за участия
в собачьих боях. Так?

– Да, мы сегодня вытащили пса оттуда. Его у нас украли.

– Еще бы, такой великолепный экземпляр! – Врач грустно
покачал головой. – Но его серьезно избили сегодня, у парня
перелом правой задней лапы, четырех ребер, рваная рана на
голове, внутреннее кровотечение...

– Ма-а-ай! – Инга не выдержала и расплакалась. – Бед-

ненький! Каким же гадом надо быть! Улечка, почему ты не пристрелила эту сволочь?

– Девочка моя! – побледневшая Алина прижала дочку к груди. – Что ты говоришь такое?! Убить человека?!

– Он не человек, мамочка, человек так не делает!

– Доктор, – я отвела врача в сторонку, чтобы не мешать воспитательному процессу, – вы тут такого наперечисляли, Май действительно справится?

– Теперь – да. Он перенес операцию, я, если честно, сомневался в этом. Но у вашего пса очень велико желание жить, он борется.

– Потому что знает, как мы все его любим. – Я шмыгнула носом. – А когда можно будет его забрать?

– Не раньше, чем через неделю.

– Так долго? Зачем?

– Ему нужен специальный уход, обеспечить который можно только в условиях клиники. Не волнуйтесь, мы позаботимся о вашем красавце самым лучшим образом. А сейчас вам лучше поехать домой отдохнуть. Иначе медицинская помощь понадобится уже вам.

– Но хоть взглянуть на Мая можно?

– Зачем? Он все равно еще под действием наркоза. Приезжайте лучше завтра.

Глава 8

Левандовские подкинули меня до дома. Не в смысле – положили на растянутое одеяло и подкинули вверх, а подвезли на своей машине. Несколько раз звонил Сергей Львович, надеясь затянуть меня к ним в гости, но я слишком вымоталась сегодня. Да и дочка почти весь день без меня, как-то она там? Благодаря своим способностям Никуська вполне могла почувствовать неладное. Она ведь тогда, после «смерти» Лешки, держала ментальную связь не только с отцом, но и со своим лохматым нянем, Маем. А мы с ней вообще, по моему, неделимы.

Или это было раньше, пока девочка была слишком мала и нуждалась в энергии мамы? А теперь чем старше Ника становится, тем лучше учится управлять своими способностями и становится достаточно сильна, чтобы обойтись без подпитки?

Поживем – увидим. А пока надо придумать правдоподобное объяснение угвазданной кровью одежде. Я могу, конечно, пронести незаметно пакет с грязными вещами в свою комнату, а потом втихаря постирать их, но как сейчас объяснить Катерине, почему я вернулась домой в чужой одежде? Она ведь у нас зоркий сокол, у нее ни одна мелочь не останется незамеченной, а себя я, при всем желании, к мелочи отнести не могу.

Ладно, посмотрим по ситуации. Может, Катерине и стоит рассказать про Мая, но при условии, что она Лешке не проболтается о всех нюансах освобождения пса.

А вот кстати – почему сегодня мой драгоценный супруг ни разу не позвонил? Обычно, находясь на гастролях, Майоров на связи два-три раза в день. И если даже он звонил на домашний телефон, то мне – ни разу. Ну, свинидзе, погоди! Если до вечера не проявишься, мстя моя будет изощренной и коварной.

Я тихонечко открыла входную дверь своим ключом, сняла топотливые ботинки, надела мягкие тапочки и, проклиная предательски шебуршащий пакет с грязными вещами, на цыпочках направилась к спальне.

Ну вот, я же говорила – мышь не проскочит! А тут довольно упитанный хомяк в тапочках, громко сопя и шурша пакетом, ползет.

– Анна! – грохнуло за спиной, пакет, воспользовавшись моей секундной растерянностью, выпрыгнул из рук и, негодяйская скотина, вывернул содержимое на пол.

– Фу ты, Катерина, чего ж так орать-то? – Я попыталась заслонить собой неаппетитную кучу ветоши, но было поздно.

Куртка, считавшая себя, видимо, наиболее униженной и оскорбленной, мстительно распласталась на полу. А если учесть, что эта предательница изначально была приятного нежно-зеленого оттенка, бурые пятна засохшей крови смот-

релись на куртке особенно устрашающе.

Возмущение на круглом краснощеком лице нашей домоправительницы было моментально изгнано искренним волнением. Катерина всплеснула могучими дланями и, сотрясая пол, бросилась ко мне:

– Аннушка, деточка, что случилось? Ты попала в аварию, да? А я еще удивилась, почему о сломанной машине мне сообщают Левандовские. Господи, кровищи-то сколько! – Губы бабы Кати задрожали, свекольный румянец отправился вслед за возмущением, и меня начали осторожно, но при этом весьма тщательно ощупывать. – Скажи честно, где болит? И вообще, почему ты здесь, а не в больнице?

– Катерина, – я невольно хихикнула – щекотно ведь, – тише говори, хорошо? А то Ника сейчас прибежит, испугается, увидев вещи.

– Не прибежит, – перешла на шепот домоправительница, – она спит еще.

– Как? Ведь уже почти шесть вечера!

– Да она сегодня весь день вялая какая-то, хнычет, капризничает. Вот я и уложила малышку сразу после обеда, она уснула мгновенно. И вообще, не уводи разговор в сторону. – За время произнесения этой тирады меня быстренько препроводили в спальню и аккуратно усадили на кровать. – Отвечай сейчас же, почему ты не в больнице?

– Я там была, почти три часа просидела. – Вижу, придется признаваться.

Иначе ведь и раздеть может, чтобы убедиться в отсутствии тяжелых травм и повреждений. Не то чтобы я стеснялась очень, но когда наша баба Катя входит в раж, ее подопечные, независимо от возраста и социального статуса, превращаются в неразумных младенцев. Может и памперсы попытаться надеть, прежде чем выйдет из своего ража.

– Просидела она! – Так, надо поторопиться, меня уже укладывают, подсовывая под спину три подушки. – Не сидеть надо было, а лечиться!

– Так я и ждала, пока Мая лечили.

– Какого еще Мая-шмая... Что?! – Кровать, выдержавшая в этой спальне многое, вскрикнула от неожиданности.

Потому что то многое, что выдерживала наша кровать, ни в какое сравнение не шло с обрушившимся на беднягу со всего размаха могучим седалищем. Наша баба Катя в свои шестьдесят лет – дама весьма ядреная и крепкая. Настоящая казачка, в общем. Причем хохлатая. Или хохловая? Из украинского казачества которая.

– Май? Наш песик нашелся? Так что, эта кровь – его?! – Южный темперамент, что тут скажешь. Вот и слезы хлынули полноводным потоком.

– Успокойся, теперь все будет хорошо. Он поправится. – И я вкратце рассказала о сегодняшнем происшествии.

И хорошо, что вкратце. А еще хорошо, что мои вещи Катерина сложила обратно в пакет.

Потому что слышался топот маленьких ножек, и в

спальню вбежала разбуряившаяся после сна Ника:

– Мамсик! Ты где была так долго?

– Машину ремонтировала. – Я подхватила на руки теплое тельце, и мы устроили обнимашки. – Перепачкалась вот вся, пришлось просить тетю Алину дать мне свою одежду.

– А твоя где?

– Там, в мешке, – как можно небрежнее кивнула я.

Ника мельком глянула на пакет, который медленно удалялся из комнаты, прижатый к груди бабы Кати, снова потянулась ко мне, но вдруг замерла. Взгляд девочки стал сосредоточенным, она словно прислушивалась к чему-то. Потом прыгнула с маминых коленей, подбежала к Катерине и требовательно протянула руки:

– Баба Катя, дай!

– Что тебе, детонька?

– Дай мешок!

– Зачем? Там грязные вещи, испачкаешься.

– Я хочу посмотреть!

– Ника! – Я встала с кровати и подошла к дочери. – Что еще за капризы? Нечего тебе там копать, баба Катя права.

– Мамсик! – Малышка от нетерпения даже подпрыгивала, пытаясь дотянуться до высоко поднятого пакета. – Мне надо! Там... Там Май!

– Где Май? – Ну вот и попробуй утаить что-нибудь от ребенка-индиго. – В пакете?

– Нет! – Дочка начала злиться. – Я что, совсем глупая,

да? Май в этот пакет не поместится, потому что он очень большой. Но... Мама, я не могу рассказать правильно, но он там! И... И ему больно сейчас! Дай, баба Катя-а-а!

Расплакалась. Лапыш мой родной, ты очень тоскуешь по своему мохнатому другу, я знаю! Я просто не хотела, чтобы ты видела нашего собакевича изуродованным и беспомощным. Надеялась вернуть здорового, веселого и крепкого пса, такого, каким он был раньше. Не получилось.

– Никусь, – я кивком попросила Катерину выйти и взяла на руки горько плакавшую малышку, – не плачь. Май нашелся, я нашла его сегодня.

– Правда? – Залитые слезами невозможные глаза дочери смотрели на меня с такой надеждой, что мне захотелось стукнуть себя чем-нибудь потяжелее. Нет чтобы сразу обрадовать ребенка, устроила тут спектакль. Жаба, вот ты кто.

– Да, солнышко, правда. Это случайно получилось.

– А где он был? И почему ты не привела его? И почему Маю больно сейчас? – Вопросы перемежались судорожными всхлипами.

– Понимаешь, заяц, его украли нехорошие люди. Они очень плохо обращались с Маем, били его, поэтому пришлось отвезти нашего пса в больницу для животных. Ему там сделали операцию, и теперь все будет хорошо. Врач обещал, что Май обязательно поправится.

– Честно?

– Честно-пречестно. Вот завтра пойдем навестить его, са-

ма и увидишь.

– А ты меня возьмешь с собой, не обманешь? Ты ведь сказала, что испачкалась, когда машину чинила, а на самом деле...

Ника отвела взгляд и шмыгнула носом. Нет тебе, короче, веры, мамочка.

– Прости, малыш, я больше не буду тебя обманывать. Просто мне не хотелось тебя пугать, вот я и придумала про машину.

– Мамсик, – дочка прижалась щекой к моему плечу и тяжело вздохнула, – ты такая смешная. После того, что делал тот злой дядька, ты думала, что я испугаюсь?

Банда мурашек, топая, словно стадо бегемотов по кувшинкам, пробежала по спине. Ника впервые за полгода вспомнила о кошмаре, пережитом нами в Сан-Тропе. Я, если честно, очень надеялась на способность детей забывать все плохое, как страшный сон. Или считать пережитое страшным сном.

Не получилось. Девочка помнит все. Она просто не хочет говорить об этом.

– В общем, так, – я поцеловала мокрую от слез щечку дочери, – обещаю – больше ничего придумывать не буду. Только, чур – и ты все говори честно. Договорились?

– Да, – выдохнула Ника мне в шею.

– А сейчас мы пойдем с тобой умоемся, потом я переоденусь, и – ужинать. Мой нос подсказывает, что нас ждет что-

то очень вкусное. А что говорит твой нос?

– Он не говорит, он сейчас занят, – хихикнула дочка.

– Чем это, интересно, занят твой нос?

– Насморком.

– Логично. Как любит говорить баба Катя?

– Можно и сапог на голову надеть, но логика должна быть.

– Вот именно.

И мы пошли умываться.

За ужином обсудили планы на завтра. Естественно, что планы кружили, словно пчелы над вареньем, над нашим лохматенцием. Прямо с утра мы с Никой собирались навестить Мая, заехав предварительно в зоомагазин за вкусной специальной косточкой. К больному ведь без гостинцев нельзя, правильно? Катерина решила отправиться на рынок, прикупить парной телятинки на нежнейшие тефтельки для своего любимца. В общем, на Мая неотвратимо надвигалась райская жизнь.

– Кстати, дорогие мои, – допивая чай, решила поинтересоваться я, – что сегодня рассказывал господин Майоров? Как там у него дела?

– Не знаю, – пожалала плечами Катерина, – с утра он не звонил, а после обеда я телефон отключила, чтобы не мешал ребенку спать.

– Странно, – я взяла лежавший рядом мобильник и проверила дисплей – пропущенных вызовов не было, – и мне наш папа не звонил. Никусь, это безобразие! – я подмигнула

дочке. – Отшлепаем его, когда вернется, да?

– Нет! – малышка вдруг отбросила надкусанный пирожок, слезла с диванчика и стремительно выбежала из кухни.

Глава 9

Сердце вдруг испуганно замерло, а потом понеслось заклошшо, словно курица, удирающая от трактора. Что-то не так с Лешкой, там что-то случилось.

– Балуете вы с Алексеем Никочку. – Катерина наклонилась и подняла с пола обиженный пирожок. – Вот и результат: ребенок себя плохо ведет, едой разбрасывается. Отругать за такое надо, а мама сидит за столом как ни в чем не бывало. Неужели выбрасывать придется? Может, возьмете завтра с собой, угостите Мая?

Домоправительница продолжала бухтеж, но я не слушала. Схватила дремавший на столе мобильный телефон и, пытаясь набрать номер Лешки, направилась в гостиную. Пальцы вдруг превратились в переваренные сосиски, на нужные цифры попадать тупо отказывались. Пришлось воспользоваться быстрым набором.

На номер мужа вместо гудков я поставила одну из его песен, и теперь Лешка нежно и чувственно пел мне в ухо. Он пропел всю песню, но живого голоса в телефонной трубке я так и не услышала.

Из угла, гнусно подхихикивая и потирая потные лапки, напоззала паника. Мягкой тапкой от нее не отбиться, пришлось задействовать диванную подушку. Запущенная меткой рукой (хотя нет, вру, в таком состоянии я уже не попа-

ду белке в глаз, а вот от нее получить в глаз могу), подушка бухнулась прямо на маковку панике, раскатав злыдню в блинчик.

А я набрала номер Виктора, администратора и хорошего приятеля моего мужа. Здесь были обычные гудки, дрелью ввинчивающиеся в мозг. После восьмого гудка Виктор снял наконец трубку:

– Анечка, привет.

– Что с Лешкой?

– В смысле?

– Вот только давай без художественной самодеятельности, хорошо? Артист из тебя фиговый.

– Я, вообще-то, никакого отношения к фиговому дереву не имею, тут ты ошибаешься...

– Виктор!!!!

– Ладно, сдаюсь, – парень тяжело вздохнул. – Трудно с вами, Майоровыми, ни соврать, ни заболтать. А как ты узнала? Мне казалось, нам удалось избежать огласки.

– Если ты немедленно не расскажешь мне, что с моим мужем, – процедила я, едва сдерживаясь, – следующей твоей работой будет престижнейшее место евнуха в гареме. Я не шучу, учти.

– Понял, понял. Ты не волнуйся, сейчас уже все в порядке.

– Тогда почему Майоров трубку не берет, если все в порядке?

– Ну, почти в порядке. Врач ему убойную дозу успокои-

тельного вкатил, Алексей сейчас спит.

– Врач?!

– Так, теперь по порядку. Только не перебивай, обещаешь?

– Да.

– Сейчас мы во Владивостоке, здесь у нас заявлено два концерта. Один сегодня, другой – завтра. Мы прилетели сегодня рано утром и, как обычно, сразу в гостиницу. До обеда у всех было свободное время, а на вторую половину дня запланирован саунд-чек. Алексей обычно отдыхает после перелета, поэтому я его не беспокоил. Но в час дня он не спустился в холл, где нас ждали организаторы, чтобы отвезти на обед в ресторан. Все давно собрались, а Майорова нет. Что, в принципе, на него не похоже, ты же знаешь – Алексей всегда пунктуален, опоздание для него неприемлемо. Я позвонил к нему в номер – трубку никто не взял. Набрал мобильный – та же ерунда. Мы с представителем принимающей стороны и администратором гостиницы поднялись в номер Майорова. Стучали в дверь минуты две – тишина. Тогда администратор отеля открыл дверь своим ключом. Алексей, он... – Виктор на мгновение запнулся, а я – я, как обычно в стрессовых ситуациях, превратилась в сконцентрированного киборга. Страх, растерянность, боль – все это обрушится на меня позже, а сейчас необходима ясность мыслей. – В общем, он лежал на полу, возле кровати, бледный до синевы, рука прижата к сердцу. Я, если честно, перепугался до

смерти, слишком уж Алексей походил на неживого. Упал рядом с ним на колени, смотрю – дышит. Еле-еле, но дышит. Мы вызвали кардиологическую «Скорую», спасибо местным эскулапам, примчались быстро. Может, потому, что ехали к Майорову – не знаю. Да и неважно, главное – вовремя. Сразу сделали какой-то укол, синюшность постепенно ушла, Алексей задышал нормально, порозовел. Пока ему снимали ЭКГ, Майоров пришел в себя. И рассказал, что он уже собирался спускаться вниз, в холл, как вдруг в сердце словно раскаленный прут вогнали. Дикая, невыносимая боль – и темнота. Но самое удивительное, что кардиограмма оказалась хорошей, никаких серьезных изменений не обнаружили. Тогда Алексею предложили съездить на обследование в больницу. Разумеется, наш герой отказался. Он даже попытался бодро вскочить, чтобы показать – с ним все в порядке. Но тут же вновь схватился за сердце и рухнул на кровать. В этот раз сознания Алексей не терял, но было видно – ему очень больно. Врач со «Скорой» ничего не мог понять и настоял на немедленной госпитализации. Я поехал вместе с Алексеем, попросив организаторов отменить концерты, не сообщая подробностей в прессу. И опять ерунда какая-то – еще в машине Майорову стало гораздо лучше, и к моменту приезда в больницу он чувствовал себя вполне нормально. Осталась лишь легкая слабость. И знаешь, чего первым делом потребовал твой муженек?

– Догадываюсь, – просипела я, спазм в горле мешал гово-

ритель. – Не отменять концерт.

– Муж и жена – одна сатана, – проворчал Виктор. – Устроил мне шеф, короче, грандиозный разнос, позвонил организаторам и сказал, что все в силе, концерты состоятся, а затем, не обращая внимания на увещевания врачей приемного покоя, категорически отказался от госпитализации, написав расписку. Видела бы ты, как обрадовались организаторы! Пригнали к больнице лимузин, чуть ли не ковровую дорожку перед Майоровым расстелили. Еще бы – два аншлаговых концерта, все билеты давно раскуплены, и в случае отмены ребята влетели бы на неслабые бабки. Короче, этот упрямый осел отработал вечером, как всегда, на бис. Единственное, на чем мне удалось настоять, было присутствие бригады «Скорой» за кулисами. Так, на всякий случай. Случая, к счастью, не произошло, но вымотался сегодня босс страшно. В гримерку вернулся чуть живой. И от этого, наверное, очень дерганый. Коробочку все какую-то с собой таскает, заглядывает постоянно туда, улыбается, а через пару минут – срывается, кричит на всех. Явно на грани нервного срыва человек. Я и попросил врача дать Майорову что-нибудь успокоительное. Спит теперь твой ненаглядный сном младенца. А завтра, когда проснется, ввалит мне по полной программе. Мне же велено было ничего тебе не говорить, Алексей поэтому и сам сегодня не звонил, знал, что ты по голосу неладное заподозришь. А попробуй тебе не скажи, когда ты страшную участь обещаешь. Я в евнухи не хочу, я женщин люблю очень. Вот

свалилась парочка на мою голову! И кто будет завтра крайним? Конечно, Виктор!

– Не бухти. – Я невольно улыбнулась, слушая причитания приятеля. – Судьба у тебя такая, смирись. Я, конечно, попытаюсь тебя завтра реабилитировать, но барин у тебя вредный очень.

– Ага, сатрап злобный. Слушай, – внезапно оживился Виктор, – в качестве моральной компенсации открой мне тайну – что в той коробочке, которую босс с собой повсюду таскает?

– Пепел его прежнего администратора.

– Я серьезно!

– Там пластилиновый мишка, которого Ника вылепила для папы перед его отъездом.

– Тогда понятно. Как там наша красавица?

– Лучше всех. И вот еще что – скажи Лешке, что у нас тут сюрприз для него имеется, но мы ему ничего не скажем, узнает, когда вернется. И так будет с каждым, кто семье сутками не звонит!

– Мстительная ты все-таки женщина, Анна Лоцинина. Не зря я тебя боюсь.

– Правильно делаешь. Спать иди.

– Катерине привет передавай. Небось пирожки на ужин были?

– И не только.

– Совсем грустно. Ладно, пока, пошел рыдать от зависти.

– Успехов тебе.

Я нажала кнопку отбоя и только сейчас обратила внимание, что руки у меня трясутся, словно у запойного алкоглота. Понятно, отходняк начался, сдулся киборг. Страшного ничего не произошло, похоже, у Лешки те же проблемы, что и у меня. Тут Виктор прав – мы с Майоровым давно уже одно целое, даже болезни у нас теперь похожи. И на стресс мы, значит, реагируем одинаково.

Я открыла окно и впустила в комнату холодный и влажный февральский воздух, давно уже барабанивший в стекло.

Устало, замучилось сердце,
От страха сгорая, кричать,
У злого огня не согреться,
Уж лучше на снег – замерзать.

Стихи ворвались вместе с ветром, появившись совершенно неожиданно. Гнать их в форточку я не стала, пусть поживут.

Пока ловила за хвост неугомонные строчки и записывала их в блокнот, куда-то подевался тремор в руках. Теперь можно и ребеныша навестить, пора ее спать укладывать.

Возле двери в дочкину комнату топталась растерянная Катерина. Она дергала дверную ручку и возмущалась:

– Никочка, это что еще за фокусы? Ты зачем закрылась? Немедленно открой дверь!

– Баба Катя, уйди! – Судя по слабому прерывистому го-

лосу, малышка только что плакала. – Я к маме хочу!

– Ну так открой дверь, и я отнесу тебя к маме.

– Нет! Не открою! Мама!

– Катерина, что у вас происходит? – Материнский инстинкт – штука доминирующая. Стоило мне понять, что моему ребенку плохо, и я уже была готова высадить плечом дуррацкую деревяшку, ставшую между нами. – Замок заклинило?

– Ничего не заклинило, – обиженно засопела домохозяйка. – Это дочурка ваша научилась с ним управляться. Закрылась вот в комнате и плачет. Что ты будешь делать!

– Ты иди к себе, я сама разберусь.

– Да как же, маленькая ведь плачет!

– Пожалуйста!

– Как скажете! – Ну вот, обиделась. Ничего, завтра помирился.

– Бусинка моя родная, – я подошла поближе к двери, – это я. Пустишь маму?

Замок щелкнул, дверь медленно распахнулась. В проеме стояло маленькое олицетворение горя: мокрые от слез щеки, кудряшки прилипли к вспотевшему лбу, носик покраснел, глаза несчастные-пренесчастные.

Я наклонилась, подняла дочурку на руки и, прижав к себе дрожащее тельце, прошептала в маленькое розовое ухо:

– С папой все хорошо, слышишь? Он в порядке.

– Правда? – Ника, упершись ручками мне в грудь, внима-

тельно всмотрелась в глаза. Потом губы малышки задрожали, глаза снова налились слезами. – Он не умер?

– Нет, глупенькая. – Да что с ней такое? – Папа спит, он очень устал сегодня.

– А я думала... Мамсик, мне так страшно!

Глава 10

Заснула Ника очень поздно, мы, обнявшись, пережили с ней безвременье – когда часы показывают сплошной ноль. Дочка, уткнувшись носом в мое плечо, тихонько сопела и всхлипывала. Я не расспрашивала малышку о пережитом сегодня, и так было видно – перенервничал ребенок здорово. К тому же пытаться что-то узнать у Ники, когда она этого не хочет, – бесполезная трата времени.

Наконец всхлипывания прекратились, а сопение стало равномерным и сонным. Я осторожно, боясь разбудить, передела дочку в разрисованную медвежатами пижамку и уложила в постель. Веселые пижамные зверята напомнили мне о пластилиновом подарке для папы. Значит, Лешка повсюду таскает коробочку с дочкиным рукоделием? Бедный наш папсик, как же он тоскует по семье! Но и без сцены Майоров не может, это его жизнь, его смысл, его самореализация. Любовь зрителей – своеобразный энергетический наркотик, без которого Лешка перестанет быть собой.

А то, что мы с ним редко видимся, не позволяет нам надоесть друг другу. Каждый раз у нас как первый, и дело во все не в склерозе.

Утро началось замечательно, потому что будильником стал Лешкин звонок:

– Привет, зайцерыб! Прости, вчера не смог позвонить, ка-

кие-то проблемы со связью были, я...

– Алексей Викторович, – надеюсь, тон получился достаточно ледяным, всю ночь ведь пролежал в морозилке, – ваши попытки выглядят не менее жалко, чем три волосины, приклеенные к лысине и изображающие прическу.

– Это в смысле? Извольте объясниться! – мгновенно подхватил эстафетную палочку Майоров. – Ваши намеки, Анна Николаевна, подозрительно напоминают необоснованные инсинуации в мой адрес!

– Вот теперь мне все ясно.

– Что именно?

– Кто является автором прочитанного недавно объявления: «Кларнетист Карл познакомится с коралловедом Кларой для совместных клептоманиакальных утех». Вы, сэр, не только брехун, оказывается, но и маньяк!

– Нет, ну маньяк – понятно, – возмущенно завопил Майоров, – согласен, но брехун-то почему?!

– Потому что. А еще трепло, враль и лгун. Вот. Проблемы у него со связью, ага.

– Понятненько, – голос мужа позитива Виктору в ближайшем будущем не обещал. – Раскололся, гад, да? А ведь хотел ему рот зашить суровой ниткой, так нет же, разнюнился негодяй – есть он, видите ли, не сможет!

– А не фиг людям невыполнимые задания давать! Ты что, меня не знаешь? Виктор просто из двух зол выбрал меньшее.

– Это меня, что ли?

– Ага. Маленькое такое, пакостливое зло.

– Ну вот, муж тут чуть не помер, а добрая супруга его еще и добивает!

– Это мы тут с Никой чуть не померли, между прочим, малышка смогла уснуть только в первом часу ночи.

– Из-за меня? – папин голос дрогнул.

– Конечно. Ты же знаешь – дочка чувствует все, что происходит с тобой.

– Знаю. И, черт возьми, ненавижу эту ее способность! – Сколько же боли в твоём голосе, родной. – Неужели так будет всегда?!

– Не знаю, может...

– Мамсик! – Дверь распахнулась, и в спальню ворвался маленький тайфунчик в медвежатах. – Ты с папой разговариваешь, да?

– Да.

– Дай мне, дай мне! Я тоже хочу! – Я протянула дочке телефон, Ника запрыгнула в мою постель, забралась под одеяло и весело затараторила: – Папс, доброе утро! Ты сегодня выздоровел, да? Я знаю!.. Ага... Папчик, а как там Бака? Ты его не выбросил? Да? Слушай, я тебя спросить хочу, ты же сам песни поешь, так?.. А почему бывают такие дурацкие песни?.. Ну вот сейчас баба Катя слушала песню про какую-то Любовь Каксон. И чего про нее петь? Не знаешь такую песню?.. Ну как же – они там все время нудят, что эта тетенька, Любовь Каксон, стороной прошла. И что такого?..

Ходит тетя боком, в стороне, стесняется, наверное... Папуленций, ты чего хохочешь? Мам, – Ника с недоумением посмотрела на меня, – чего он смеется? Ой, и ты тоже!

– Я потом тебе расскажу. – Наш милый тайфунчик разогнал по углам все вчерашние страхи и проблемы. – Отпусти пока папу, ему пора. И нам тоже. Только, Никусь, – я перешла на шепот, – папе про Мая пока ни слова. Пусть сюрприз будет, хорошо?

Дочка хитренько улыбнулась и кивнула.

Оказалось, что, пока мы спали, а потом болтали с папой, Катерина успела съездить на рынок, купить, как и обещала, парной телятины и приготовить нам – котлетки, Маю – тефтельки без соли и специй.

Плотно позавтракав и плотно упаковавшись гостинцами для собакевича, мы с Никой спустились в подземный гараж. Джип, как и говорил Артур, стоял на месте, но после поездки за город его блестящие бока мрачно глядели на меня сквозь слой грязи и соли. Ладно, ладно, не надо на меня давить! Отвезу я тебя на мойку, обязательно отвезу, но позже. А сейчас спи дальше, мы поедem на «Тойоте». Золотисто-бежевый элегантный седан был моей личной машиной, Лешка на нее никогда не претендовал, он у нас любитель внедорожников. Я же, наоборот, джип беру крайне неохотно, куча комплексов разовьется, пока в него вскарабкаешься.

В ветеринарной клинике пришлось подождать около получаса, пока освободится лечащий врач Мая. Но Ника со-

вершенно не скучала, наоборот, от избытка впечатлений глаза малышки сияли, щеки покраснелись, она перебегала от одного лохматого пациента к другому, совершенно не обращая внимания на размеры и вид животных. Хозяева, поначалу испуганно закрывавшие своих, скажем так, немаленьких питомцев, опасаясь, что большой зверь травмирует девочку, вскоре с изумлением наблюдали за беседами Ники с кошками и собаками. Именно беседами, без всяких кавычек. Дочка подходила, например, к здоровенной, свирепо посверкивающей глазами среднеазиатской овчарке с загипсованной лапой, гладила ее огромную башку, что-то шептала в купированное ухо, и вот уже пес радостно метет хвостом, поскуливает и норовит лизнуть сквозь намордник маленького человечка. Кошки переставали дичиться, включали свои мурлыкалки и норовили боднуть Нику головой.

– Надо же! – всплеснула руками бабуля в мохеровом колпаке 1973 года выпуска, глядя, как ее вздорная, гавкучая болонка суетливо мельтешит возле малышки, выпрашивая ласку. – Моя Пышечка терпеть не может детей, рычит всегда, а тут – поди ж ты, сама ластится к вашей девочке! Чудеса! У вас очень славная малышка.

– Спасибо.

– Знаете, у меня такое чувство, что я вас уже где-то видела. Вот только не помню где.

– Да здесь, наверное. – Так, пора отсюда уходить, не хватало еще, чтобы нас узнали. – У нас здесь пес лечится.

– Нет, не здесь, – задумчиво протянула бабуля, вглядываясь то в меня, то в Нику все пристальнее.

Ой, пристанет сейчас! Скорее бы появился врач Мая!

Он что, телепат, что ли?

Дверь в конце коридора распахнулась, и до сидевших в ожидании приема людей и зверей донеслись скулеж и мяуканье тяжелых пациентов. Но вышедший доктор быстро закупорил страдающее пространство, чтобы не нервировать вновь прибывших.

Заметив меня, он кивнул, улыбнулся и приглашающе поманил рукой.

– Мам, это нас зовут? – Ника цепко ухватила меня за руку и потянула навстречу ветеринарному врачу. – Пойдем скорее, я хочу видеть Мая!

– Идем-идем, не тяни так, а то уронишь маму.

Мы прошли уже половину расстояния, дорожкой линолеума, протянувшегося между нами и доктором, когда за спиной раздался радостный вопль:

– Вспомнила!

Я вздрогнула и, не оборачиваясь, прибавила скорость. Только этого не хватало!

– Вы знаете, кто эта чудесная малышка? – голос бабули украсился частыми вкраплениями привизга. – Это же дочка Алексея Майорова! Да-да, я видела их фотографии в журнале! И ее, и матери ейной! Дамочка, постойте! Подождите!

– Ника, быстро! – Я подхватила дочку на руки и, пробе-

гая мимо слегка обалдевшего ветеринара, скомандовала: – За мной! Дверь желательно запереть.

– В смысле? – притормозил врач, вряд ли он привык к подобным условиям бытия.

– Бабку в шапке видите?

– Которая с болонкой? Да, она почему-то бежит за вами. Это ваша знакомая?

– Доктор, закройте дверь, пожалуйста! – пришлось применить меры физического воздействия и втолкнуть ветеринара в клинический блок.

Да что ты будешь делать, а! Стоит, возмущенно сопит, очки с носа сдернул – на меня, судя по всему, сейчас опрокинут обличительную речь.

Пришлось и дальше заниматься самоуправством, благо, что ключ торчал в замке. Я повернула его – и буквально в следующее мгновение с той стороны забарабанили в дверь:

– Дамочка! Как вас! Жена Алексея Майорова! Я хочу спросить! Узнать! А правда, что...

Престарелая почитательница Лешкиного таланта продолжала кричать на дрожавшую под ее натиском дверь, а по физиономии ветврача медленно, но верно, словно бензиновая пленка по воде, начинало расплзаться понимание:

– Во-о-от оно в чем дело! И часто с вами так?

– Бывает, – как можно непринужденнее пожала плечами я. Надеюсь, на нервный тик это не было похоже. – Прошу прощения за некоторые вольности, но, поверьте, если бы эта

дама до нас добралась, отделаться от нее было бы тяжковато. Слышите, не угомонится никак?

– Да уж!.. – Очки вернулись на обжитую переносицу и добродушно сверкнули. – А это, если я правильно понимаю, маленькая хозяйка большого пса?

– Дядя доктор, – Нике явно надоело ждать, – идемте скорее к Маю! К нему ведь можно, да? Он ведь уже проснулся?

– Можно, – улыбнулся доктор. – Он вас с самого утра ждет. Удивительный пес! Дополз до разделительной сетки вольера, уткнулся в нее носом и смотрит, не отрываясь, на входную дверь. Терпеливо переносит все процедуры, уколы и перевязки, даже не рыкнул ни разу, а ему ведь очень больно.

– Так чего мы тут стоим? – Дочка от нетерпения бегала вокруг нас.

– Все-все, идем.

Собственно, идти почти и не понадобилось, вольеры с прооперированными собаками находились в левом крыле клинического блока, в правом жалобно мяукали кошки. Дверь же, над которой издевалась шапконосная бабуля, вела в небольшой холл, разделявший эти два крыла.

И мы пошли налево.

Глава 11

Вольер Мая располагался в самом дальнем углу обширного помещения. Наверное, потому, что это был самый большой вольер, оборудованный по собачьему VIP-классу. Во всяком случае, подстилка под псом по составу напоминала памперс – попка вашего малыша всегда сухая.

А наш «малыш» почувствовал нас издалека. Когда ветеринар открыл дверь, ведущую в собачье отделение, в уши мгновенно ввинтился громкий, восторженный, какой-то щенячий визг. Товарищи по несчастью тоже не молчали, но крик-плач Мая перекрывал все звуки.

– Слышите? – усмехнулся доктор. – Это он вас почуял. Молчал ведь все время.

– Май! – Ника рванулась было к вольеру, но я успела подхватить дочку на руки:

– Малыш, тут бегать нельзя, ты нервируешь больных животных.

– Мама права. – Эскулап поправил очки. – Шуметь и бегать здесь запрещено. Если честно, детей мы в это отделение вообще не пускаем, но для тебя решили сделать исключение. Ты нас не подведешь?

– Я буду слушаться, – пообещала дочка, – честно. Только... Мам, ну почему мы опять стоим? Май же плачет!

Пес действительно скулил все громче, к визгу добавились

странные скребущие звуки.

– Идемте быстрее, – ветврач взял меня за локоть, – а то ваш мальчонка разнесет сейчас вольер. Слышите – это он лапой сетку порвать пытается.

– Маюшка, маленький, не плачь. – И мы заторопились к нашему найденышу.

Чем ближе мы подходили, тем плотнее становилось поле безумного восторга и бесконечного счастья. Лежавший, как и говорил ветеринар, возле самой сетки пес, больше похожий сейчас на древнеегипетскую мумию, скреб передней лапой разделяющую нас преграду, стремясь побыстрее дотянуться до любимых хозяев.

– Парень, не суетись, тебе по породе не положено, – шутливо ворчал доктор, открывая дверь вольера. – Мы сами к тебе войдем.

– Май! – Дочка ужом вывернулась из моих рук и бросилась к загипсованному другу. – Я так соскучилась! Где ты был?

Малышка присела перед псом на корточки и ласково прикоснулась к торчавшей из бинтового кокона мордуленции. Радостный визг перешел в нежное поскуливание, Май, дрожа от счастья, лизал маленькие ручки, не сводя восторженных глаз с лица девочки.

Наконец-то все уладилось! Наша семья опять вместе, в полном составе, самое страшное позади. А болезни? Ну что болезни – справимся. И с приступами нашими непонятны-

ми, и с травмами Мая – со всем справимся.

И вдруг...

– Осторожно! – завопил ветеринар и подхватил Нику на руки.

Дочка пару мгновений удивленно смотрела на окровавленную правую ладошку, а потом ее глаза переполнились обидой, болью и слезами, и малышка расплакалась. Нет, она не редела громко и самозабвенно, малышка плакала тихо и горько. Очень горько.

А внизу, на подстилке, хрипло рычал зверь. Именно так – преданный пес, друг и нянька, внезапно превратился в свирепо скалившегося волкодава. Май по-прежнему не сводил глаз с Ники, но сейчас во взгляде пса не было и тени любви, только клокочущая ненависть.

Теперь я, кажется, поняла этимологию слова «ступор» – тупо тарашиться. Именно этим я и занималась первые секунды, превратившись в произведение скульптора-авангардиста. Почему авангардиста? Потому что глаза мои разъехались в самые неожиданные места, уточнять, в какие именно, не стану.

А Май тем временем пытался подняться, захлебываясь рыком. Но сделать это, будучи закатанным в гипс, как в бетон, достаточно сложно. Но пес тянулся и тянулся к ноге доктора. Он не мог достать Нику, поднятую на недосягаемую для него высоту, и, обезумев от злобы, хотел вцепиться в любого.

Правда, гораздо ближе к гиганту стояла я, но на меня Май совершенно не обращал внимания. А и правильно, чего реагировать на чугунную болванку? Был бы пес здоров, он, вероятно, снизошел до поднятия лапы и орошения болванки, но сейчас искомая задняя лапа была плотно упакована в гипс.

– Мама, почему он так? – Жалобный голосок моего ребенка, плачущего не от боли, а от обиды, стал волшебным пенделем, выкинувшим меня из ступора.

Я выскочила из вольера следом за почти бежавшим ветеринаром:

– Доктор, с рукой что-нибудь серьезное? Он не прокусил кость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.